ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, — ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

МЕСТЬ БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Месть без права на ошибку

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Месть без права на ошибку / Л. Соболева — «АСТ», 2016 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-096357-7

Если живешь вне правил, то должен быть готов, что кто-то тоже предпочтет жизнь вне правил, и тогда… Тогда тебе вряд ли это понравится, но подобные повороты никто не просчитывает.Прекрасно, когда есть власть и деньги, но ведь всегда чего-то будет не хватать, захочется чего-то такого, что было пропущено во время восхождения. Например: любви, уважения, искренности – это же естественный бонус к власти и деньгам, как кажется некоторым.Но привычка не считаться ни с кем, не завоевывать любовь и уважение, а просто брать все, что нравится, иногда играет жестокую шутку. Она учит мстить без оглядки, превращая желанные бонусы в ад.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096357-7

© Соболева Л., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1. Утомленный удачей 6
2. Труп – раз… 15
3. Страсть извечная и неуемная 24
4. Куда ушел охотник? 34
5. Труп – два и три… 44
6. Сентиментальный вихрь 51
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Лариса Соболева
Месть без права на ошибку

© Л. Соболева
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

1. Утомленный удачей

– Свинья! – Через паузу отец заговорил сдержанно: – Забери бумаги в офисе и мигом ко мне! Если не успеешь к часу… Не успеешь, конечно! Езжай сразу в клуб. В два часа обед. – И папа не выдержал: – Понял, скотина?

– Скотина понял, – вяло ответил он, а ему ответили гудки.

Сергей положил мобилу на полку в ванной комнате, поднял голову и в зеркале увидел…

– Ну и рожа!

Поворачивая голову, обозревал себя с разных ракурсов. Рожа поганая: мешки под глазами (да здоровые), глаза красные, лицо запухшее, а цвет… Хорошо, нос не синий, был бы законченный портрет алкаша.

– Так… Все. Со следующего понедельника бросаю курить и в рот – ни капли. Решено. Ни капли… Хотя бы неделю… Спрятаться от всех, что ли?

На собственную волю уже не рассчитывал. Любуйся собой – не любуйся, рассуждай – не рассуждай, а ехать надо. Сергей достал из кармана куртки антиполицайчики, бросил в рот несколько крупинок: десять минут – и алкоголь можно будет обнаружить только в крови. Рожа, правда, останется без изменений, но реакция улучшится. Да здравствуют японцы! Теперь – в душ.

Через полчаса он выезжал из гаража. Черт, забыл дома сигареты. Не возвращаться же! Купит по дороге в кафе, а с понедельника – новая жизнь. Сегодня подписывается договор, естественно, придется «обмыть». А когда выпиваешь – воля слабеет, значит, в зубах будет сигарета. Но с понедельника…

Сергей открыл в машине окно, сделал пару глубоких вдохов, влажный и прохладный воздух взбодрил. И вдруг вспомнил, что третий день не видел своего кота. Высунул голову в окно, позвал:

– Филипп! Филя!..

Кот загулял. Прибежит, когда надоест мусорная жизнь и драные кошки. Можно ехать, но сначала сигареты.

– Да поссать захотел! Пива выпил… Много… Иду домой, еле ноги волочу. А еще через сквер… пятый этаж… Вот! Думаю, не дойду. Захожу подальше в сквер, становлюсь… Смотрю, в кустах чего-то виднеется. А оно темно было, но еще видно… Хотя темно. Вот. Это чего-то оранжевое, яркое такое, даже в темноте видно. Думаю, за мной подглядывают… Думаю, не хватало! Спрашиваю: кто там? Вот. Молчат. Ну, я без задней мысли иду туда. А оно – кусты все загородили, ни фига не вижу… Вот. Ну, я раздвигаю кусты, вот так вот… руками… Чуть не упал, потому что споткнулся. Не, ну я дальше… Смотрю, сидит платье! Ага, влез в какую-то жижу, думал – в дерьмо… а это кровища оказалась… Вот, значит. Темно же! Достаю фонарик… У меня с собой всегда фонарик! Козлы педальные все лампочки в подъезде повыкручивали. Я их вкручиваю, а они выкручивают! Так я фонарик купил, пусть теперь, козлы, без света живут. Ну вот, значит… Светю я фонариком и вижу: сидит платье оранжевое и ноги сидят с трусами! Платье с ногами сидят, а головы нет! Потом смотрю, а башка вот так свесилась… (Рассказчик свесил голову набок, показывая наглядно.) Я ничего не понял… Говорю: эй!.. Потом смотрю – а башка-то отрезана! И непонятно, как висит! Верите, рот открывается, клянусь, сам собой и слышу – ору! Я сначала не понял, кто орет. Сердце клокотало аж в горле – так испугался, что кто-то тут орет. Оглядываюсь посмотреть, кто орет… а это я, я сам и ору!

– Ребята, сигарет можно купить? – спросил Сергей.

За столиком в кафе сидело несколько мужчин, с интересом слушая рассказ. Кроме них в зале никого не было, да и само заведение слишком мало, чтобы здесь толпился народ. Рассказчик встал и подошел к стойке бара:

– Вам каких?

Это, видимо, и был хозяин, он взволнованно дышал, вытирал мокрое лицо и шею полотенцем.

– Лучших. Две пачки. А что вы такое интересное рассказывали? – Спросил не из любопытства, непонятно, зачем спросил.

– Вчера он нашел бабу с отрезанной головой, – отделился один из группы мужчин, подойдя к стойке.

– Слушай, – выкрикнул оттуда же высокий плотный парень торгашеского вида, – а ты когда ее заметил, до того или после того? – Парень ухмылялся, подмигивал остальным.

– В смысле? – не понял герой дня.

– Ну, до того, как поссал, или поссал, когда увидел?

Хозяин кафе мигал глазами, соображал… потом развел руками и вздохнул. Взрыв хохота сотряс маленькое кафе. Хозяин замахал на приятелей руками, закивал головой, мол, вам бы на мое место.

– Смотри, как бы тебе не досталось, – вступил в разговор третий.

– Как это? – струхнул хозяин.

– А так. Ты был один, когда ее нашел? Значит, и тюкнуть ее мог. Ментам все равно, кто ей башку оттяпал, у них план раскрываемости.

– Ты что?! – заорал хозяин. – Я же сам пересрал, клянусь! Мне укол делали от нервов!..

Начался спор… Сергей вышел на улицу. Жуткие истории в духе Хичкока его не занимали. Раскрывая пачку сигарет, он механически оглянулся. Через стеклянную дверь просматривалось все кафе: открывались рты, воздух сотрясали руки, но ничего не было слышно, напоминало это зрелище немое кино. Теперь хозяин кафе будет рассказывать эту жуть каждому, вспоминая новые детали, даже те, которых не было.

Первая затяжка вызвала небольшое головокружение и тошноту, Сергей посидел пару минут, пережидая неудобство, и поехал дальше.

Только когда входил в офис, впервые посмотрел на часы. Ого! Почти час. Хорошо все-таки ни от кого не зависеть, быть хозяином себе.

– Здравствуйте, Сергей Палыч. Вам звонил ваш отец… – начала куколка-секретарша.

– Знаю. Документы, – бросил на ходу, не взглянув в ее сторону.

Она растерянно захлопала глазками, а Сергей уже был в кабинете, упал в кресло. Зря так грубо, она же не виновата, что он вчера перепил. Нажал кнопку селектора:

– Зося, сделай кофейку быстренько. – Через паузу нехотя добавил: – Пожалуйста.

– А документы? – спросила она.

– И документы быстренько. Ты поняла? – уточнил на всякий случай, ей двадцать раз объяснять надо.

– Да.

Судя по тону, она не обиделась, зря совесть мучила. Ладно, придется выпить кофе, который Зося не умеет готовить, к отцу один хрен опоздал, поедет прямо в клуб. Сидел он расслабленно, с закрытыми глазами, покручиваясь в кресле. Не хотелось поднимать зад, переться через весь город. Что у нас за натура такая? Перед иноземцами чуть ли не на пузе ползаем, кормим их, поим… Да так, что рожи у них распухают за несколько дней до неузнаваемости. А мы: ах, они едят не все подряд, холестерина боятся; ах, за здоровьем следят; ах, спортом занимаются… Да жрут и пьют на халяву так, будто до этого в концлагере сидели. И уезжают с отменной мордой, запасом русских матов и договорами, сказочно обогащающими их.

Раздумья прервала Зося: поставила перед ним кофе, положила папку. И стоит. Дура. Сергей взял чашку и, листая документы, вернее, считая их, начал пить бурду под названием «черный кофе». Она стоит.

– Я положила сахару одну ложечку. (Пауза). Но не расколотила.

Он поднял на нее глаза. Господи, создаст же природа такое хорошенькое, но глупое существо. Ей бесполезно говорить, что кофе он пьет БЕЗ САХАРА, БЕЗ! Как будто специально назло делает. Идиотка.

– Спасибо, – мягко сказал. – Зосенька, что еще?

Терпение заканчивалось. Щас как пошлет ее с приготовленными помоями вместе, стоит тут…

– Нет, ничего, – тихо произнесла она.

– Тогда иди: – А хотелось: пошла к черту!

– Павел Сергеевич просил передать…

– Знаю. Сейчас поеду.

Ушла, слава богу. Вместо того чтоб взять пронырливого референта, приходится терпеть эту дуру. Мама и отец настояли взять ее, и потом, родители втайне, что давно не является тайной, мечтают женить его на Зосе. Разбежались! Папа ее – директор одного из держащихся на плаву заводов, близкий друг отца Сергея, наворовал столько… хватит правнукам его Зоськи. А деньги должны складываться к деньгам, вот и засела бредовая идея в головы родителей: отдать замуж Зосеньку за Сереженьку. Не тут-то было, натолкнулись на мощное сопротивление со стороны Сереженьки и решили сунуть ее на место референта в фирму сына – пусть, дескать, притрутся. Здесь Сергей оказался бессилен. Теперь сидит Зося у него перед носом, бумажки перебирает с высшим образованием. Можно было бы трахнуть ее (против не будет), а потом бросить, чтоб жизнь узнала… Тогда точно женят. Пусть отдыхают от этой мысли.

Собственно, почему его раздражает Зося? Сам-то он кто и что? Дела ведет отец, хотя официальные документы сделаны на Сергея. И клуб, куда он сейчас поедет, тоже вроде принадлежит ему, но он там только водку пьет, попутно делает вид, что руководит. Много чего числится за Сергеем, только все – заслуга отца! Он не может вести дела открыто, как-никак первое лицо в городе.

Документы в порядке, кофе вылит в цветочный горшок, можно и в путь. Вышел в приемную. Подчиненные вместо упорного труда на благо патрона сидели в тесном кругу и, раскрыв рты, слушали бухгалтера Раису.

– Почему не трудимся? – озадачился Сергей покровительственным тоном и сам удивился: точь-в-точь отец.

– У нас в городе, Сергей Палыч, маньяк объявился, – ответила Раиса. – Вчера опять труп девушки нашли. У меня знакомая…

«Не город, а коммунальная квартира», – подумал он, вслух сказал:

– Потом, ладно? Буду к концу рабочего дня, – бросил на ходу Зосе, та преданно кивнула.

Задержался на секунду, раздумывая: запретить им собрание или не стоит? Решил не запрещать, все равно будут мусолить эту тему после его ухода. Вышел. Зося смотрела ему вслед влюбленно.

В клубе «Россо» (если честно, это обыкновенный кабак) только-только начался обед, опоздал Сергей совсем на немного. О, как здесь… вычурно, по его мнению. Стены обиты оливковым ситцем с рисунком из композиций цветов в стиле барокко, развешаны бра, дающие матовый свет. Обычно маленькие столики расположены вдоль стен, но сейчас все сидели за общим столом. Слух ласкала живая музыка – играл пианист и два скрипача пилили смычками по струнам, а может, это альтист и скрипач. К своему стыду, скрипку от альта отличить Сергей не мог, да и не стремился. Предупредительные официанты в темно-зеленой униформе,

желтых рубашках и с бабочками вместо галстуков бесшумно двигались по залу, все как один высокие, проворные, красивые мальчики.

Клуб перестраивался по австрийскому проекту и должен был поражать шиком – что весьма относительно. Но здесь даже сортир выложен черным мрамором, в смете так и значилось: черный мрамор. Сергей в шутку прозвал туалет «наш мемориал», а две интимные комнаты ему напоминали мавзолей.

Сергей сел рядом с отцом, не глядя тому в глаза – боялся увидеть в них негодование сквозь ласково-приветливый взгляд. У отца на лице никогда не написаны истинные эмоции, пожалуй, только сын умел читать «за кадром». Он осмотрел присутствующих, старательно работающих челюстями. Гостей, из-за которых сыр-бор, всего трое. Один нужный – Файтонс, немного каркающий по-русски, и двое – сбоку припека. Между отцом и Файтонсом сидела переводчица, ну очень интересная мисс. Поесть ей некогда, работала языком, пережевывая английские и русские фразы, кстати, недурно. Остальные – свои, человек двадцать, дармоеды, не любил их Сергей.

Он взял рюмку коньяка и ощутил, как отец дернулся. Не пей, не пей, – твердил один внутренний голос, а второй шептал: выпей, выпей всего одну, только одну… Голос второго звучал несколько приятней. Выпил. Зажгло сначала в желудке, потом жар разошелся по телу. Похорошело.

Принесли огромного осетра с художественной росписью из майонеза, ягод, зелени и оливок. Зам отца Бельзин важно объяснял особенности русской кухни, пока официанты варварски кромсали на куски произведение кухонного искусства. Начался новый виток обжорства. Бедолаги музыканты, обливаясь слюной, играли, один спел, неторопливо задвигались в танце пары, тогда-то отец и пригласил Файтонса на беседу. Сделал он это мягко, не привлекая внимания окружающих. Подскочила переводчица, ее попытался отвлечь Вадим, пригласив на танец, она начала было отказываться, но Сергей ее успокоил:

– Танцуйте, танцуйте. Я вас заменю, немного знаком с английским (врал, хорошо знаком). Да и господин Файнтонс говорит по-русски (плохо). Отдыхайте.

Она улыбнулась и ушла танцевать. «Зубы ровные и белые», – отметил он, проводив ее хищным взглядом, потом проследовал за отцом. Сейчас присутствие посторонних исключено. Деньги! Не рублики, которых всегда будет мало, сколько бы их ни было, а всегда будет висеть опасность в один прекрасный день потерять сразу все.

Уединились в небольшую комнату в золотистых тонах «без окон, без дверей», попасть сюда можно только через кабинет управляющего. Комната и планировалась для определенных целей: переговоров, проведения различного рода сделок и для отдыха. Насчет отдыха – о да, Сергею удавалось здесь со многими отдохнуть, но это к делу не относится. А дело вот в чем: договор. Один сегодня уже подписан – официальный: о сотрудничестве, культурных связях и прочее. Благодушный гость проделал тысячи километров не ради каких-то там культурных связей. Отец нервничал, видно было по некоторой скованности лица и напряженной позе, зато Сергей – в подобных ситуациях чувствовал себя комфортно, уверенно переводил, остроумно отвечал, быстро соображал. В такие минуты он ощущал полную гармонию, ловил кайф. И отношение отца менялось, в его глазах появлялась гордость за сына.

Итак, металл. Цветной. Медь, алюминий, титан, никель под маркой металлолома. И красная ртуть – ага, ага. На юридическом языке это называется контрабандой, на языке бизнеса – куй бабки, пока можно. Этим и занимался Сергей через связи отца, а связи у папы – у, какие! Всю жизнь в административном аппарате.

– Первый раз отправим максимальное количество, – говорил Сергей Файтонсу. – Поскольку мы планируем отправить груз морем, вы получите сразу половину заказа.

– Каким образом будет упакована ртуть? – поинтересовался гость.

– Очень просто, – Сергей откинулся на спинку кресла, – в обычные ржавые трубы. Вы, наверное, слышали про наших умельцев? Так вот один такой изобрел контейнеры, которые не дают фона, обнаружить груз практически невозможно.

– Well, – сказал Файтонс. – А если все-таки обнаружат?..

– Если обнаружат, что маловероятно, груз окажется без обратного адреса. Мы позаботились на этот случай, поэтому отправляем не из нашего региона.

– Когда планируете отправить корабль?

– Сегодня мы подписываем бумаги, сегодня звоним из этого кабинета, а завтра начинается погрузка. Закончат через пару недель, думаю. Тогда же будет таможенный досмотр, с которым проблем не возникнет.

– Остальная половина? – спросил Файтонс.

– По мере получения вами груза, а нами денег. Оставшуюся часть решено переправить грузовыми самолетами. Разные регионы – надежный способ отправки. А то «как бы чего не вышло» – есть у нас такое выражение.

Файтонс удивленно приподнял брови, Сергей пояснил:

– В нашем государстве не всех можно купить, к сожалению. Вдруг попадется честный дуралей, тогда хлопот прибавится.

– Где гарантия, что сейчас не попадется? – забеспокоился гость.

– На 99 % гарантия есть, – заверил Сергей. – Ведь стопроцентной гарантии вам не даст сам Господь.

Дальше все делалось быстро: сколько денег, в какие банки, на какие счета переправить, подписи. Подписывая, Сергей, мельком взглянув на отца, отметив: «Любит меня». Да, любил его Павел Сергеевич и очень переживал, видя, как сын, получивший от жизни все, о чем можно мечтать, погряз в пьянках и бабах. Возвращаясь к столу, папа шепнул:

– Сергей, я прошу тебя, меньше пей.

– Yes, сэр.

– Потом поговорим. – Отец перешел на строгий тон, но заметил, что сын закрылся от него. Чуть не испортил все.

В зале американцам показывали русскую удаль, отплясывая нечто типа «камаринской» под «семь сорок». Сергей ухмыльнулся. Этим гостям еще повезло. Их не таскали по концертам замечательно-бездарной самодеятельности, где танцы и песни похожи, а представления длятся до двух часов. Руководители же заглядывают заискивающе в глазки гостям, надеясь, что их пригласят в западный рай с гастролями. Повезло американцам, что не водили их по выставкам и музеям, сотрудники которые с самозабвением повествуют об истории города за мизерную зарплату, которой хватит только его коту на прокорм. Сергей тряхнул головой, выбрасывая дурные мысли, тем более что отец взял на себя внимание, пригласив гостей поохотиться завтра на кабана. Ну и ну! В конце сентября! Очень интересно! И где же он возьмет кабана? Из зоопарка выпишет?

Тернов (тоже зам) тут же пустился в рассуждения об охоте, о своих собаках (тупых до невозможности) и приключениях (во где врал!). Глаза его лихорадочно горели (коньяку выжрал прилично), сытая морда раскраснелась и лоснилась, хохотал он над собственными остротами (казарменными), производя впечатление…

– Как тебе этот шут? – спросил Илья Васков, еще один зам.

Сергей кивнул в знак согласия. Действительно, Тернов похож на шута, только на злого шута, который старается выглядеть добрым, – так, по крайней мере, показалось Сергею.

Нет, не миновала чаша культурной программы американцев. Их потащили в музей, где от скуки можно повеситься. Затем отец познакомил их с продукцией механического завода, тут уж не один Сергей зевал, хотя Файтонс проявил интерес к некоторым видам продукции,

но скорее делал это из вежливости. В самом деле, не могли же его интересовать примитивные газовые горелки, допотопные отопительные системы и прочая дребедень. Экскурсия на завод закончилась выступлением хора ветеранов. И никуда от этого маразма не деться.

Сергей вздохнул с облегчением, когда группа отправилась на выставку живописи, где он чувствовал себя более привычно, так как любил смотреть на полотна талантливых мальчишек, ищущих себя. В завершение гостей с ветерком прокатили по вечернему городу.

На ужине все оживились, теперь не нужно спешить, можно насладиться отдыхом, вкусной едой и престижной компанией. Так думали все, кроме Сергея. Переводчица тараторила без передышки, показывая ровные, белые зубы в улыбке. «Наверное, ни одной пломбы нет», – позавидовал Сергей и пригласил ее на танец. Она вопросительно посмотрела на Павла Сергеевича: можно? Тот с царской снисходительностью кивнул.

Танец. Началось обольщение: о природе-погоде, где учились – где бывали и так далее. При этом он знал, как обнять (в танце!), как прижать, как шептать на ухо ерунду, обжигая горячим дыханием и случайно касаясь губами щеки, уха… Главное, знал, каким образом возбудить в подвыпившей головке желание остаться с ним наедине. Головка оказалась умненькой, понимающе смотрела, значит, не прочь… Он предложил сбежать.

– Не могу. Работа, – ответила она с сожалением.

– Не проблема.

Сергей подозвал Вадима – помощника на фирме и дал задание всех укачать, особенно дорогих гостей, чтоб не переводчицу искали, а кроватку, потом доставить их в гостиницу.

– Вера, ты идешь? – опершись о стол, спросила Лида, блондинка с темными глазами и подвижным лицом. Она лишь на секунду задержалась у стола Веры, все ее тело настроено поскорее протопать вон отсюда. – Вера, ты слышишь?

Вера медленно перевела глаза на Лиду и удивилась, будто увидела ее впервые, та повторила вопрос:

– Ты идешь?

– Нет, еще посижу… поработаю.

– С ума сойти! – Лида даже присела на край стола. – На кой ляд жилы рвать, если нас собираются выгонять, пардон, сокращать? Бросай все к черту и пойдем ко мне, у нас и переночуешь.

Вера отрицательно мотнула головой. Коллеги уходили с некоторым облегчением, что еще один день прошел без каких-либо «сюрпризов» типа угроз директора: сокращение, сократят, сократим, сокращу. Кабинет быстро опустел, только удаляющиеся шаги по лестнице нервно отбивали ритм, а Лидочка все настаивала, уговаривала. Вера не поддавалась.

– Над чем же ты собираешься работать? – Лида уселась поудобней. – Или Шарик халтурку частную тебе подбросил? (Вера усмехнулась.) Тогда на кой хрен ты тут сидишь?

– Что с тобой случилось? Чего кричишь?

– С тех пор, как появилась перспектива стать профессиональной домашней хозяйкой, случилось. Главное, никому не докажешь, что ты есть, что ты специалист…

– Девочки, вы еще здесь?

В дверях появилась круглая, лысая, отшлифованная голова директора. За круглые достоинства и умение «служить» начальству ему дали кличку Шарик ехидные подчиненные. Кабинет к тому времени опустел.

– Мы уходим, – улыбнулась ему Лида.

– Проверьте, все ли закрыто, и выключите свет.

Голова исчезла.

– Тебе никогда не хотелось убить человека? – спросила Лида после небольшой паузы, глядя на закрытую дверь.

– Не помню, – пожала плечами Вера.

– А мне – да. Шарика. И хочется убить его не из пистолета, зачем ему умирать легкой смертью? Нет, надо, чтоб мучился… Если бы знать наверняка, что меня не поймают, клянусь, прикончила бы его собственными руками.

– Лидуся, больше никому этого не рассказывай. Не дай бог в аварию попадет – не отмоешься. Ты же знаешь наших «доброжелателей».

– Клянусь, если этот боров меня сократит, а причины есть: не даю задницу щупать… так вот, я приведу к нему детей, приставлю к его жирной шее кухонный нож и заставлю усыновить, пусть он их кормит.

Подруга рассмеялась, представив ужасающую картину, но Лида тяжело вздохнула, после снова принялась за старое:

– Я не отстану. Костик гуся жарит, ждет нас.

– Нет, Лидок.

– Верка, по городу маньяки бродят, а ты одна попрешься домой?

– Как говорила моя знакомая, – Вера чертила ровные линии, – покажите мне тот фонарь, под которым насилуют, я пойду туда. Правда, ей за семьдесят. (Лида ждала.) Лид, мне надо остаться… подумать.

– Вер, мне не нравится, когда ты думаешь. Случилось что?

– Нет. Просто хочу побыть одна. (Лида с беспокойством всматривалась в лицо Веры.) Лидочка, не ищи скрытого смысла там, где его нет. Ну, хорошо. У меня свидание, времени до него – уйма.

– Да? А с кем?

– Лид, потом. Ты иди… пожалуйста.

– Хорошо, ухожу. А про маньяка я серьезно.

Вера махнула на нее рукой. Огорченной Лидочке придется топать домой в одиночестве, в отличие от Веры, не любила она бывать одной. Энергичная и веселая Лида полная противоположность Вере. Скромная, молчаливая Вера приветлива и доброжелательна с окружающими, но не более того. О себе ничего не рассказывала, сплетни ее не интересовали. Имея очень яркую внешность, к поклонникам относилась равнодушно.

Но Лида… Она появлялась в отделе и – словно ураган врывался. Со всеми успевала переговорить и парировать любые остроты в свой адрес. Флиртовала направо и налево, но серьезных романов не заводила. Она могла быть доброй, злой, глупой, умной – у Веры голова шла кругом от непредсказуемости подруги. Но! Лида оказалась преданным другом, помогла в трудные минуты. О Вере ходили разные слухи, но при Лидочке никто не решался мыть ей кости, зная ее острый язык, предпочитали не трогать и подругу.

Лида ушла и, как всегда, не закрыла дверь. Все. Тишина. Небольшой сквозняк пробегал по спине Веры. Закрыть дверь или форточку – лень встать. Вера смотрела в окно, выходившее во двор, крутила в руках линейку. А за окном становилось все темней и темней. Кроме глухой, ничем не освещаемой стены противоположного дома, не видно ничего. Да и стена постепенно тонула в надвигающейся темноте, образовывая черную дыру. Вот уже нет стены, одно пустое пространство открывало путь в бездну. Казалось, нет и стекла, а только бездонная пропасть, неудержимо манящая к себе… Шаг – и ты уже не тут, а там, где покой… нет ни звезд… ни тепла… ни прошлого… ни будущего…

В машине Ира преобразилась – куда девалась ее чопорность? Рядом с Сергеем сидела рыжеволосая бестия, остроумная и веселая, невероятно притягательная. Он бессознательно стремился к переменам, жизнь казалась ему неимоверно скучной, однообразной, серой. Любое незапланированное событие или случайная встреча немного выводили его из состояния апа-

тии, заставляя встрепенуться. Заканчивалось по-разному, чаще – нарастающей с каждым часом скукой после нескольких дней оживления.

Он искоса взглянул на Иру, прикинул, долго ли придется ее уламывать. И тут ни при чем серые, смелые глаза, хищный рот, торчащая грудь – интересно, как она выглядит без бюстгальтера? И рыжая – не факт, что распутная. Но Сергей решил – недолго. Вечер предстоял многообещающий. Немаловажно и то, что Ирине он не безразличен. А как могло быть иначе? Равнодушных к нему женщин практически не существует. Во-первых, он чертовски привлекательный, почти герой из боевика, с той лишь разницей, что не умеет эффектно драться. Высокий, холеный, атлетического сложения. Есть одно но: начал полнеть, есть другое но: это его не портило. У него красивое лицо (если только не запухшее после пьянки): греческий нос, синие глаза (на похмелье мутные), высокий лоб, темные и волнистые волосы… Вот и третье но: волнистые волосы быстрее покидают голову и уже принялись за это паршивое дело, хотя сокрушаться рано.

Во-вторых, он хорошо образован, спасибо папе и маме – юрфак в Москве плюс два года в Англии, продолжая юридическое образование. Приехал домой, когда отец стал первым человеком в городе и просто не успевал управляться со всем, что упало ему в руки. А упало много. Отец один из первых смекнул в девяностые, что такое приватизация и как с ней «бороться», тогда-то он и окреп, а получив реальную власть, реализовался окончательно. Сергей занялся бизнесом под неусыпным оком папы и поначалу к делам приступил с воодушевлением, но Павел Сергеевич пыл охладил: своими «нельзя» и «будь скромней» часто отбивал желание работать. Тем не менее он принимал самые невероятные проекты сына.

В-третьих, он богат. Какие уж тут комментарии?

Ирину привез домой. Поскольку находился в хорошем расположении духа, решил облагодетельствовать Зосю и предупредить, что сегодня в офисе не появится, а то прождет его до десяти вечера, она девушка исполнительная.

– А где вы будете? (О, Боже!)

– Я решаю важные вопросы, которые повлияют и на твою зарплату (на кой ляд она ей нужна, сидела бы дома). Ты поняла?

– А здесь вас люди ждут…

– Какие? Зачем?

– Насчет спонсорской помощи… Детская организация.

Сергей взглянул на часы: девятый час. Девушка чокнулась.

– Что, дети ждут? – делано ужаснулся он.

– Нет, руководители. Вы же обещали приехать, я и…

– Ну, руководители могут до завтра подождать.

– Завтра суббота.

– Тогда в понедельник пусть приходят.

Положив трубку, он тяжко вздохнул и даже не задумался, что согласился на встречу, не собираясь давать ни копейки.

– Ты часто врешь? – спросила Ира, рассматривая небольшую экспозицию, занимающую полностью одну стену.

– По обстоятельствам.

– Это подлинники?

– Нет. Но копии делались с оригиналов.

Опять врал. Зачем он это делал? Две работы Зверева – первые картины, купленные по совету приятеля, любителя современной живописи, но не имеющего ни гроша в кармане. Рисунок Сурикова купил случайно у старушки потрепанно-интеллигентного вида, которая явно хотела кушать. Удивлению и радости не было границ, когда выяснилось, что рисунок действительно Сурикова.

Появился азарт. Захотелось пополнить коллекцию настоящими именами. Так он приобрел несколько миниатюрных работ русских художников, в основном карандаш, реже акварель или темпера. Увлекся. Познакомился с местными авторами. На последних даже заработал, продавая работы заезжим иностранцам. Часть денег отдавал художнику, львиную долю оставлял в своем кармане, без него все равно работы только пылью покрылись бы. Гости из-за рубежа покупали картины охотно, разбираясь, где талант. К тому же с современными авторами нет проблем на границе: не считаются национальным достоянием. Когда узнал отец… была буря. Художники! Картины! Богема! Мой сын – торгаш! Сейчас Сергей тоже торгует, разница в масштабах.

– Обычно подделки выдают за оригиналы, а ты нет, – закончив изучать живопись, сказала Ирина. – Ты мне нравишься. (Еще бы!)

– Ты мне тоже. Хочешь посмотреть Барселону? Я там гостил у приятеля. (Надо же как-то начать постельную прелюдию.)

Сергей приготовил коктейль, включил приглушенный свет и телевизор. Под испанскую речь и музыку – поцелуй… другой… Все остальное – как у всех.

2. Труп – раз…

Линейка соскользнула с кончиков пальцев, хлопнулась о стол. От резкого звука Вера вздрогнула и вернулась в реальность. Темно. Она протянула руку к настольной лампе, нащупала выключатель и от яркого света зажмурилась. Выключила свет. Включила… Выключила… Постепенно глаза привыкли к свету, и темнота за окном перестала гипнотизировать. Теперь от бездны Веру отделяло собственное отражение на стекле. Она подошла к телефону.

– Да? – послышался в трубке высокий женский голос.

– Здравствуйте, можно Илью Николаевича?

– Его нет, – рявкнул голос так, что в ухе зазвенело.

Гудки… Вера на минуту задумалась. В памяти промелькнули отрывки последней встречи, он что-то говорил… Ага, должна приехать делегация. Точно. Значит, его можно найти в одном из клубов. Она листала старый блокнот – полезная привычка вносить номера не только в мобилу. «Россо»… «Старая мельница» не годится, далеко за городом… «Охотник»… С какого начать? Со второго раза Вера попала в точку.

– Клуб «Россо», – сказал мужской голос.

– Мне нужен Илья Николаевич Васков…

– Минутку…

Это особые номера, простым гражданам в руки не попадают, поэтому не спросили: а кто его спрашивает? Слышалась музыка… На том конце провода веселились. Вера нетерпеливо постукивала пальцами по столу. Наконец:

– Слушаю.

– Это я, – сухо сказала она. – Ты не забыл?

– Помню, – бесстрастно ответил Илья. – В десять буду.

Она нажала на рычаг и прежде, чем положить трубку, вслух произнесла:

– Мразь. – Потом подошла к своему столу, швырнула записную книжку и, хрустя фалангами пальцев, повторила: – Мразь.

Ну, все, хватит. Много здесь не высидеть, да и всякая дрянь лезет в голову. Лучше проветриться перед «свиданием». Вера засобиралась, наводя порядок на столе. Вдруг ей почудились посторонние звуки. Прислушалась. Нет, все тихо. Ящик застрял, чтобы продвинуть его на место, пришлось стукнуть рукой.

Опять какие-то звуки-шорохи… Вера нарочито громко двинула под собой стул… Шорохи повторились. Она медленно оглядела кабинет.

В полумраке отдел выглядел зловеще. Пустые столы и доски напоминали могильные плиты и надгробия, шкафы – склепы. Эти шорохи… Она не одна здесь? За ней наблюдают, не желая выдать себя. Сквозь тишину нарастал еще один звук: тук… тук-тук… тук-тук… Сердце громче и громче колотило в грудь. Глаза упорно изучали кабинет. Не издав ни звука, Вера протянула руку к выключателю, а взгляд остановился на открытой двери. Пролет лестницы слабо освещал свет снизу… ТЕНЬ!!!

На стене отпечаталась тень с размытыми очертаниями. Руки шарили по столу, ища какой-нибудь предмет. Тень подняла руку, взялась за тень от перил, поднялась выше. Кто-то поднимался по лестнице. Надо выключить свет. Вера могла пройти кабинет с закрытыми глазами. Выключить свет и отбежать в сторону. Правда, глаза поначалу не будут видеть…

Тень подалась вперед, из-за перил (настоящих) выглянула голова с поблескивающими стеклами очков. Вера так внимательно следила за тенью на стене, что настоящую голову не сразу заметила, а только когда та заговорила:

– Тю! Верка! Ну, ты меня напугала! Шо ты тут сидишь одна?

Фу ты, тетя Паша! Вера вздохнула с облегчением:

– А вы меня испугали, теть Паша.

– Хожу себе, замки проверяю. Чую – голоса разговаривают. Думаю, хто ж это тут разговаривает? Поднимаюся – а тут свет. Шо там такое, думаю? Вор? Так шо тут красть?

Тетя Паша – полная, но крепкая женщина шестидесяти семи лет, изъясняется на южнорусским диалекте, добродушная и любопытная.

– Ну, украсть есть что: компьютеры, например, – сказала Вера.

– А… Ой, я так боялася, аж у пот ударило.

– Простите, я не хотела вас напугать. Уже ухожу.

– Та по мне хочь до утра сиди, мне тока лучче. Но прыдупрыдить надо было, шоб я ни того… Ух, аж сердце заходится. Пошли ко мне в каптерку чайку клюкнем.

– Спасибо, пойду я…

– Не, не! Ты напугалася, я напугалася… А чаек у меня сорокаградусный, точно слеза, веришь? Сама гоню. Тюлечка есть солененькая.

Кто же устоит против тюлечки?

Временами в темноте освещались яркими огоньками от сигарет два лица да струйки дыма, уплывающие вверх. Оба лежали молча, каждый думал о своем. Все произошло довольно быстро, не было похоже ни на страсть, ни, тем более, на любовь. Сергей опять в тупике: зачем привез Иру домой, зачем нужен был секс с ней? Роман не успел начаться, а ему уже скучно.

Ирина же спрашивала себя: о чем, интересно, думает этот красивый мужик и правильно ли она поступила, переспав с ним в день встречи? Не спугнуть бы. Одинокий, обеспеченный. Так надоела полунищенская жизнь, съемная квартира, зависимость от каждой пешки в институте. А тут такой ферзь! Она умная, красивая, практичная, она должна попробовать, другого такого шанса вряд ли можно ожидать. Только не быть назойливой – это главная заповедь.

– Ты живешь совсем один? – тихо спросила.

– Угу.

– А кто тебе стирает, убирает?

– Соседка.

– Был женат?

– Нет.

– Значит, бабник.

– Не знаю. (Пауза). А ты? Замужем?

– Нееет, – протянула она, давая понять: если бы я была замужем, то сейчас не лежала в кровати голая с первым встречным.

– А была?

– Да.

– Дети есть? – И подумал: «Мне только чужого ребенка не хватает».

– Нет.

Пауза! Ира загасила сигарету, взяла пульт и, переключая каналы, сказала:

– Может, киношка идет… Люблю боевички.

– А я не люблю. Телик вообще не смотрю.

Сергей приподнялся, взял еще сигарету, прикурил от первой, загасил старую, подумав при этом: «Мы такие разные, не подходим друг другу».

– Да? А я могу смотреть все передачи подряд. – И подумала: хорошо, что они такие разные, подойдут друг другу. – Работы много, времени свободного мало. Поэтому смотрю все, когда удается… Фу, какой ужас!

Сергей перевел глаза на экран, посмотреть, чем же так ужаснулась Ирина. Крупным планом на экране фото лица девушки – открытый рот, полуприкрытые глаза, лицо отекшее и отвратительно перекошено…

– Сделай громче, – попросил Сергей, сглотнув ком.

– Ага, криминальная хроника тебя все же интересует.

Бесстрастный голос за кадром информировал о приметах, где нашли труп, просил сообщить… И никаких подробностей. Сергей не слышал слова «убита», но и так понятно, что с таким лицом своей смертью не умирают.

– Ты знаешь ее? – спросила Ирина.

– Почему ты решила? – похолодел он.

– Смотришь, как муж, заставший жену с любовником.

– У тебя был и такой опыт? (Ира поняла, что ляпнула лишнее). Странное сравнение. Не люблю покойников, тем более таких, но любопытство берет верх. Пойду принесу сок.

– Ты прав, людей привлекает уродство или страшное… Мертвецы на улице, например, чужие страдания. И смотреть противно, и глаз не отвести.

Он не слушал. Ушел на кухню, оперся рукой о холодильник и глубокими вдохами старался унять разбушевавшееся сердце. Закружилась голова.

– …человек бессознательно ищет стресс, – доносился голос Ирины. – Это какой-то психологический мазохизм. Поэтому вокруг найденного трупа на улице толпа зевак…

Он опустился на стул. Не может быть! Ему показалось.

– …содержат публичные дома, где проститутки не роскошные девицы, а уродки. Мужчины, пресытившись красотой и желая обострить ощущения…

Немного пришел в себя. Нервы ни к черту. Дурак, чего, собственно, испугался?

– …любят смотреть и читать ужастики…

А ведь испугался. Псих, лечиться надо. Ну, все в норме. Однако чувство тревоги не исчезло, а засело глубоко-глубоко внутри.

– …с их помощью испытывают то, на что никогда не решатся в обыденной жизни. Ты слышишь меня?

– Да, – отозвался Сергей, входя в комнату с пакетом сока и двумя стаканами. – Любопытная философия. Раньше мне не приходилось слышать подобное. Сама додумалась?

– Книжечки надо читать, литературу мирового значения, а не сводки с биржи о курсе доллара.

– Ирочка, человек в наши дни может работать только в направлении узкой специализации, очень узкой. Кому – доллары, а кому – знания и ум. Выпить хочешь?

– Только сок. Не обижайся на мои слова, принимай их как шутку.

– Ты уже одета? – искренне удивился он, так как далеко не сразу заметил на Ирине одежду. – Останься, – робко попросил, желая обратного.

– Завтра рано вставать. Тебе тоже. Охота, ты забыл?

– А… да, да… Жаль. Подожди, отвезу тебя.

– Не стоит.

– Нет, нет, не проводить даму… это хамство.

Он оделся со сверхскоростью, а то вдруг передумает.

Прощаясь с Ириной, Сергей задержал ее руку в своей – в таком пожатье есть нечто многообещающее и ни к чему не обязывающее. Пожатье не слова, которые можно в час X напомнить: ты же говорил! Ира поцеловала его в угол губ и побежала к подъезду. Сергей вспомнил, разворачивая машину:

– А телефон?

– Завтра же увидимся. Пока!

Теперь надо попасть домой как можно скорее!

Илья взглянул на часы – начало девятого. В ушах еще звучал голос Веры, он аккуратно положил трубку на аппарат и вслух тихо процедил сквозь зубы:

– Змея…

– Что? – вскинулся охранник клуба.

– А? Нет, нет, ничего, – отмахнулся тот.

В зале певец пел задушевный романс, который никого не брал за душу, судя по отдельным выкрикам, общему гомону и взрывам хохота, заглушавшим певца. Илья не вернулся туда, а вышел на воздух покурить и подумать.

Несколько дней назад он возвращался домой окрыленным. Когда в твой карман люди кладут кругленькую сумму и при этом на их лицах нарисовано счастье пополам с благодарностью… О! Илья вырастает в собственных глазах до размеров баобаба, его сердце переполняет гордость. Кто бы мог подумать?! В школе завуч одно твердила:

– Васков, ты плохо кончишь.

Давно это было. Сейчас она наверняка не может на прием к нему попасть. Если бы он узнал, что она обивает пороги, добиваясь встречи с ним, принял бы ее. Без очереди! Усадил в кабинете на стул перед собой и посмотрел в глупые глазки. И что увидел бы? Подобострастие, покорность и надежду. Он помог бы, черт с ней, лишь бы насладиться ее неловкостью за прошлое и услышать фразу раскаяния: «Илья Николаевич, как я в вас ошибалась». Сейчас от Ильи зависят многие люди и судьбы, к нему идут, просят, дают. Это не взятки, нет. Это… как бы сказать?.. Благодарность. Ну, как артисту цветы. И Илья благодарит. Жизнь такая: все благодарят и принимают благодарности. Поделись с ближним – кто-то сказал, Илья не помнил кто.

Встретила его жена – небольшого роста, упитанная. Как только она открыла дверь, по ее плотно сжатым губам и сверкающим злобой глазам понял: грядет истерика. Интересно, какие обвинения выдвинет? Илья быстро провернул в голове последние две недели и ничего такого, за что она могла зацепиться, не вспомнил.

– Любаша, что у нас на ужин? – спросил он, стараясь придать голосу как можно больше нежности и мягкости. Получилось фальшиво.

– Иди на кухню, – буркнула в ответ Люба.

Илья долго мыл руки, потом заглянул к детям, оттягивая общение с женой. Вовка и Сева сидели у компьютера и только помахали отцу руками.

– Мужики, ловите! – кинул им пакет с шоколадом Илья.

Дети (Вовке десять, Севе восемь) набросились на пакет, растаскивая конфеты, как голодные волчата. Младший захныкал – ничего, пусть учится защищать свои интересы сам. Илья закрыл дверь, в конфликты детей он никогда не вмешивался, чем страшно злил Любашу. Ох, Любаша…

Пришел на кухню. Накрывая на стол, она спокойно и размеренно двигалась в своем розовом стеганом халате, как обрубок колонны, такой круглой-круглой колонны… Пахло вкусно. На столе источали аромат куски утки с черносливом, салаты. Готовит она божественно, вообще хозяйка – зашибись, пожалуй, это единственное ее достоинство. Илья сел. Интересно, когда начнет?

– Любаша, коньячку выпьем? – предложил он, будто не замечая грозно сдвинутых бровей и поджатого рта.

Жена молча достала из шкафа коньяк и две рюмки, села напротив и уставилась немигающими зенками на мужа. Инквизитор просто. Илья поднял полную рюмку и… задумался: «Господи, какая же она у меня некрасивая… и такая толстая… Шеи нет, один второй подбородок вместо шеи. Усы растут! Ее нельзя показывать людям! А еще обижается, что никуда не беру. Выглядит на шестьдесят, чего ей надо от меня?» И сказал, тяжко вздохнув:

– Ну, за удачный сегодня день.

Выпил. Потом решил сделать последнюю попытку и предотвратить то, что висело в воздухе тяжеловесной и неотвратимой массой, решил поговорить о детях, зная, как она это любит.

– Люб, – с аппетитом уничтожая утку, начал Илья, – ребятам надо поменьше сидеть у компа, а? (Люба безмолвно смотрела на мужа, как анаконда.) М, как вкусно! Говорят, зрение от мониторов садится, можно облучиться. От экрана довольно большая радиация идет… Как думаешь?

Вот! Даже мнением ее поинтересовался, а она… Встала и вышла. Молча. Через пару секунд раздался ее тонкий, надрывный голос:

– Спать! Я кому сказала? Чтоб через минуту были в кроватях! Быстро!

Илья бросил вилку и нож. Аппетит пропал, едва Любаша дверь открыла, а сейчас вовсе расхотелось есть. Хоть бы причину знать, чего она бесится. И так всегда: идет домой с благими намерениями, а его встречают, как врага народа. То шипит, то права качает, то дуется. И еще удивляется, что у него на нее не стоит. Кстати, сегодня как раз думал с ней сексом заняться. Все желание испарилось. Выпил Илья подряд две рюмки и вздрогнул от резкого телефонного звонка. Не успел протянуть руку, как влетела Люба, и трубка оказался в ее руке.

– Тут тебе уже два дня какая-то блядь звонит, – сказала жена громко, чтоб ее обязательно услышали на другом конце провода.

Он одним движением вырвал телефон и посмотрел на жену… очень выразительно – эта корова совсем с ума сошла.

– Слушаю… – спокойно произнес, хотя внутри все клокотало, хотелось в зубы заехать дорогой жене, да так, чтоб язык откусила, причем навсегда.

– Это Вера.

– Кто? – не понял он.

– Вера. (Вот это да! Илья испугался и обрадовался одновременно.) Ты меня еще помнишь?

Еще бы! Ее мягкий, низкий тембр… Нечто блаженное оторвалось в груди, покатилось вниз и замерло в том месте, которое никак не хочет реагировать на Любашу.

– Да-да, я вас помню. Что вы хотите? – спросил официальным тоном.

– Мне надо встретиться с тобой.

– Хорошо. В десять утра завтра у меня совещание… Давайте встретимся до него. Часов в девять – в начале десятого, вам подходит?

Илья поднял глаза на Любу, та стояла вся в напряжении, стараясь уловить локаторами, о чем шла речь.

– Буду ждать тебя в девять около ботанического сада на остановке. Да, и научи вежливости свою жену.

Теперь понял, почему его ненаглядная такая злющая: нафантазировала в своей тупой башке черт знает что. Ну, пусть пеняет на себя.

– Ты что, совсем охренела? – накинулся он на жену, ведь лучшая защита – нападение. – Какого орешь? Хоть бы трубку прикрыла!

– Что за блядь тебе звонила? – спросила Люба елейно, Илью всегда тошнит, когда она выдает такую тональность. – Уже твои сучки домой звонят?

Илья схватился за голову:

– Что ты несешь?! Что несешь! Дура! Знаешь, мне надоело! Твоя ревность… (Не нашел слов.) Что о тебе подумают? Ты оскорбляешь людей в моем доме!

– Это мой дом! – взвизгнула Люба. – Забыл, кем ты был? Всему ты обязан мне и моему отцу, который вытащил тебя из твоих ремонтных мастерских вшивых!

– Заткнись!

– Я сижу дома, – не заткнулась, – стираю твои носки-трусы, готовлю тебе и твоим детям, подаю-прибираю, а он (это она о муже) по банкетам, совещаниям, деловым свиданиям (очень язвительно) заседает! Знаю я твои дела! По шлюхам шатаешься!

– Не ори, дети спят! – Илья сжал кулаки.

– Скажите, пожалуйста, о детях забеспокоился! Редко же ты о них вспоминаешь! За сучками некогда. Сколько ты издеваться надо мной будешь?

Наконец Люба сделала паузу, лицо ее сморщилось, скривилось в несчастную гримасу, по розовым щекам быстро-быстро потекли слезы.

– Ты… Тебе лечиться надо. (Люба хотела опять выпустить тираду, но ее душили рыдания.) Ты даже рта не даешь мне раскрыть! Хоть бы подумала куриными мозгами – я что, на идиота похож, чтоб давать домашний телефон, как ты говоришь, своим сучкам? (Люба прислушалась, можно продолжать.) Ну, хоть чуть-чуть подумай! Если мне звонят домой, значит, я дал телефон! Потому что мне необходимо! Значит, по делу! ПО – ДЕ – ЛУ! Срочно надо.

Тут Илья сделал паузу, так как рыдания замедлялись, плавно переходя от громких к тихим.

– Я думала, на прием записываются у твоих секретарей.

– Правильно. Но есть исключения. И вообще, если хочешь знать, это старая тетка.

Люба замерла, перестала всхлипывать и:

– А почему у нее молодой голос?

Вот это дал маху! А ведь дело шло к миру.

– А я почем знаю? Природа, – нашелся Илья и посмотрел на жену честно-честно, как только мог.

Люба вцепилась в него маленькими глазками, изучая, врет или не врет. Илья выдержал, не моргнув. Не выдержала она: опустила голову, достала из кармана халата носовой платочек, стала вытирать нос и лицо, обиженно всхлипывая и поглядывая на мужа исподлобья. Илья победил. Теперь можно отчитать ее, а самому обиженным прикинуться:

– Ну, правда, Люб, ну нельзя же так… Я прихожу домой, устал как собака, а ты… бляди, сучки. Можешь завтра поехать со мной на работу посмотреть на эту «сучку», если хочешь. Как ты могла подумать?

Никуда она не поедет. Знал, что не поедет, поэтому предлагал.

– А что мне прикажешь думать? Со мной ты не разговариваешь, только «подай-принеси». Ты почти не спишь со мной. (Это она про секс. Да, сексом с ней занимается редко. Но спит регулярно – в одной кровати.) Так что же мне думать?

– Люба, у меня сейчас столько проблем… к концу дня еле на ногах стою. Если бы я с кем-то спал, то и тебя не забывал, чтобы не заподозрила, сама взвесь… Я думал, моя жена меня понимает…

Люба уже виновато смотрела, постепенно успокаиваясь. Поверила. Поверила потому, что хотела верить. Нечто похожее на жалость шевельнулось внутри Ильи, иногда такое с ним бывает.

– Знаешь, Любаша, нам надо отдохнуть. Давай-ка махнем куда-нибудь… в Эмираты, что ли? Вдвоем? А?

В глазах Любы засветился огонек счастья, она улыбнулась, и взору Ильи снова бросились черненькие усики.

– Только не сейчас, – поспешил охладить надежду он, так как жалость в единый миг улетучилась. – Ближе к зиме. Сейчас невозможно, куча работы. А вот зимой, думаю, смогу вырваться на недельку. Угу?

Вот и все. Пусть мечтает о жарких странах, он туда поедет, мысль хорошая, но не с ней. Единственное, что мог подарить ей еще, – это секс. Но сначала подвел Любашу к извинениям

за оскорбления и великодушно простил ее. Потом повел в спальню, раздел, уложил на огромную кровать, нежно гладил все части большого тела, целовал грудь…

Люба, закрыв глаза, трепетала, страстно дыша. Он лег на нее, его объятия становились все жарче, поцелуи крепче. Вот уже Люба билась под ним с такой силой, что, казалось, развалится тяжелая дубовая кровать, и стонала…

Он тоже готов был стонать в экстазе, только обнимал совсем другую. Ласкал и целовал другую. С другой занимался любовью, а не сексом. Поэтому глаз не открывал, чтобы не исчез мираж в его бурных фантазиях. А когда Люба мирно похрапывала рядом, удовлетворив свое тело, он долго лежал и думал… думал о другой. Вера…

Тетя Паша не была пьяньчужкой, но выпить любила, этот ее грешок часто подвергался шуткам со стороны сотрудников бюро. Про нее ходили анекдоты, многие доходили до нее, она хохотала до слез и совсем не обижалась. Остряки прозвали сторожиху Армянское Радио, так как ответить она могла на любой вопрос из любой сферы. Сидеть бы ей дома перед телевизором, да пенсии – всего ничего, вот и приходится служить по ночам сторожем.

В каптерке для сторожей тетя Паша налила в чайные чашки самогона. На одной тарелке разложена тюлька, которой Вера отрывала головки с внутренностями и аккуратно укладывала хвостиками к краю, а остальное бросала на кусок газеты для бездомных кошек. На другой – нарезанный хлеб, петрушка и мясистые помидоры, яйца. Тетя Паша чистила картошку в «мундире» под свои рассуждения:

– Вот спроси, чего хорошего я видала? А ничего. Не помню ни одной настоящей радости.

– А дети? – спросила Вера, моя руки.

– А шо дети? Радость, да. А кормить-одевать, шить-стирать? Веришь, не помню ни одного дня, шоб я отдыхала. Даже в праздники. Ну, давай.

Выпили. Картошка теплая, помидоры сладкие, а тюлечка… Вера, оказывается, страшно хотела есть.

– Жизнь моя тока и была: дом та работа, – делилась тетя Паша. – Отмантулишь на заводе, еле ноги тащишь, а дома еще больше работы. Нечего вспомнить. Ни одного красивого платья не носила. Не, были, конечно, платья, тока не такие. Теперь одна живу. Муж сдох, прости Господи… Дети черт-те где, даже не звонят. Свободная… А платье и щас не могу купить, да оно уж и без надобности.

– Ой, я пьяненькая.

– А ты кушай. Выпить граммульку та покушать – это ж здоровье. Шо ты лыбишься? Врачи советуют: сто грамм в день для сердца полезно. Ну, давай. Чокаться не будем, помянем моего мужа, раз припомнился, шоб ему в гробу икнулось. Ох, и скотина был… царство ему небесное. Смешно тебе?

– За что вы его так ругаете? – хихикала Вера.

– Яичко бери… Худючая ты, Верка, одни кости. А мужа разве ж я ругаю? Шо ты! Десять лет как сдох, спасибо ему, на старости лет дал пожить спокойно. Прямо у калитки замерз пьяный, а зима… Веришь, я так плакала, так плакала… от радости. И как его пережила? Гонял – страшно, босиком от него убегала по снегу. А теперь я – кум королю, шо хочу, то и делаю. Сватались ко мне, тока на шо они мне сдались. А ты как?

– Да так, – Вера раскраснелась, ее клонило в сон.

– Растакалась. Скрытная ты, Верка. Шо ты все молчишь? Плохо без матери?

– Привыкла… Теть Паша, вы меня не возьмете на квартиру?

Та удивленно откинулась на спинку стула. Молчаливая и вежливая Верка ей нравилась. Слухи-то разные ходили, будто у нее кто-то был (как не быть у такой красавицы), будто сделала она аборт (дело-то житейское), будто ничего с тем хахалем не сладилось (кобель, что взять), и мать умерла недавно. Но одни слухи. Пробовала тетя Паша у Лидки-вертихвостки вызнать,

так та так налетела, что всякая охота утолить любопытство отпала: сто слов в минуту и угрозы, что она, Лидка, разберется, кто тут сплетни сеет. С другой стороны, хорошая у Верки подруга, тетя Паша в глубине души зауважала Лидку, хотя обидела ее эта дамочка.

– Ты же местная, у тебя должна быть жилплощадь, – наконец задумчиво произнесла она.

– Так получилось, – развела Вера руками.

Она еще и беззубая, эта Верка. Какая ж сволота у нее жилплощадь оттяпала? Тетя Паша, как всегда, делала собственные выводы, стоило ей узнать самую малость, как вступала в силу теория догадок.

– Ладно, – сказала. – Переезжай. Тока удобства во дворе (Вера махнула рукой, мол, ерунда). А так у меня – рай. Домик, флигель, четыре сотки… Слушай, я тебя у флигель поселю, там тепленько, если натопишь. Ты мне мозолить глаза не будешь, а я тебе. От за то и выпьем.

– Теть Паша, спасибо. – Вера кинулась обнимать ее.

– Брось… – Она шумно вдохнула носом воздух после глотка самогонки, потянулась за куском помидора. – Ну и крепкая! Разве ж сравнить с магазинной! Переезжай, Вера, хочь завтра, раз у тебя не сложилось. Бог сказал, шо надо делиться, когда у тебя все есть.

Спустя пять минут Вера шла по улице. По вечерам уже прохладно, к тому же целый день стояла пасмурная погода. Она застегнула пуговицы пиджака и шла, не торопясь, к парку. Улица казалась одинокой, как Вера, иногда мимо проходили быстрым шагом прохожие. Около банка стояла милицейская машина с выключенными фарами и темными окнами. Пусто, тихо…

А вот и парк. Вера слилась с оградой, растворившись в ветках сирени, с едва шевелившимися от ветерка крупными листьями. Отсюда ей видна площадка перед парком, освещаемая несколькими фонарями, которые и горели-то не в полную мощь, а так тускло, так тоскливо…

Около двери лежал Филя, существо непомерно огромное, с головы до ног темно-серый с одним седым клочком на шее. Завидев хозяина, Филя нетерпеливо замяукал. Кота Сергей нашел возле подъезда маленьким, несчастным и беспомощным. Взял домой вроде не из жалости и не из любви к животным, взял и взял. За четыре года между ними установились нормальные отношения: друг другу не мешают. Впрочем, Филя считает себя хозяином и требует внимания, но если внимание ограничивается едой и кошачьим туалетом, можно сказать, каждый живет сам по себе.

– Ну, заходи, бабник бесстыжий.

Филя вошел первым, проскользнув между ног хозяина, и, громко мяукая, направился в кухню к своей миске. Сергей, не обращая на него внимания, быстро прошел к телевизору, лихорадочно искал пульт, нашел.

Еще не появилось изображение, а голос перечислял приметы. Высветилось фото. Сергей всматривался. Черты все больше и больше оформлялись… Это она! Родинка на подбородке в форме восьмерки. Это она, нет никакого сомнения!

– …была в оранжевое платье…

Оранжевое? Помнится, платье такого цвета он ей дарил. Но платья не показали, может, на ней и не его подарок.

– …темно-коричневые туфли…

Эта скандальная девица обожала немыслимо яркие цвета, напялить могла такое – во сне не приснится. Но что удивительно, ей шли яркие, кричащие шмотки, подчеркивающие оригинальность натуры. Натуру, правда, выдержать было тяжело, в конце концов, Сергей сделал ручкой: пока и навсегда.

– …шейный шарф из легкой ткани коричневого цвета…

Когда дарил платье, она визжала от восторга, забыв о ссоре… Вот, еще подробность припомнил: они поссорились с Лорой. Инициатором была она, как, впрочем, и всегда. Из-за чего

возникла ссора, не помнил, но всплыла еще деталь: съездил ей по физиономии (пьян был). Эта чертова кукла могла вывести из себя ангела небесного.

– …обнаружена зеленая сумка из натуральной кожи…

А при ком ударил? Кто был с ними в… Забыл даже, где пили. Потом ездил в Москву, там и купил платье. Честно говоря, не собирался мириться, только хотел компенсировать синяк. «Синяки проходят – шмотки остаются», – так она сказала и затащила Сергея в постель. Лора не желала прерывать связь: отдать такой жирный кусок? Еще чего! Строила отношения однозначно: спишь – плати, вцепилась в него когтями, но достала. Так при ком же он ударил ее?

– …всех, кто знает что-либо о…

Они встречались полтора месяца. Разрыв Лора приняла, мягко говоря, неохотно. Плакала, угрожала, звонила, караулила. Он не мог ни с одной девушкой встречаться – Лора выпрыгивала как черт из ада и закатывала сцену. Выручил Вадим. Поговорил, пригрозил, дал денег, что, собственно, и надо было.

– …просим сообщить по телефону…

Сергей смотрел на экран не отрываясь. Почему показан лишь овал лица? Стоп! Хозяин кафе, где Сергей покупал сигареты… Не он ли Лору обнаружил? Полуотрезанная голова… фотография одного лица… По спине пробежали мурашки. Да, есть о чем беспокоиться. Личность установят, будет следствие, всех ее знакомых переберут, дойдет очередь до него…

Давно шел фильм, в котором летали и взрывались машины. Филипп требовательно терся о ноги, мяукая противным голосом – есть просил, а Сергей сидел как пришибленный. Собственно, чего ему бояться? И кто такая Лора? Искала богатых мужиков, чтобы доить их, проще – дорогая шлюха. У нее таких бойфрендов перебывало ого-го сколько, и, наверняка не один оставил оттиск кулаков на ее лице. Так чего паниковать? Не должен он отвечать за каждую девку, с которой спал. Или ко всем бывшим любовницам охрану приставить? Абсурд! Сергей ушел на кухню, выпил водки и тут только заметил кота.

– Прости, Филипп, я скотина… Сегодня мне об этом уже говорили.

Достал банку сардин (кошачьей еды не оказалось), вывалил в миску. Филя набросился на еду, урча и чавкая, а Сергей присел рядом. И вдруг он подумал о самой Лоре, до этого его волновало лишь, какие неудобства причинит ему ее смерть. Отчетливо представил жуткую фотографию, словно опять видел на телеэкране… Какой же ужас и боль она испытала! Жалость к девушке стала выворачивать душу.

– До чего ж ты прожорлив, Филя, – сказал коту, когда тот снова требовал еды, мяукая и трогая Сергея за ногу лапой.

Рыбных консервов не было, он достал из холодильника копченую колбасу, оторвал кусок и кинул коту. Еще выпил водки, выкурил несколько сигарет, ушел в комнату и лег на диван.

Смерть не только примиряет, но и все негативное постепенно приобретает другие черты. Уже Лора ему виделась экстравагантной девушкой, всколыхнувшей его спокойную и размеренную жизнь на целых полтора месяца. С тем и провалился в никуда.

3. Страсть извечная и неуемная

Эта пятница, казалось, никогда не кончится. Илья вернулся в банкетный зал, где ужин шел на спад. Тернов и Симич вертелись, как два червяка на сковородке, вокруг американца (не то Джеймс, не то Джонс, вылетело имя из головы Ильи), тот полулежал в кресле, свесив голову, напился несчастный. Илья сел на свое место и натянул на лицо маску самодовольного, уверенного в себе человека. Он вел диалоги, находясь мыслями с Верой, когда поехал к ботаническому саду.

Как она ему нравилась! Но почему-то женщины, понравившиеся Илье, достаются другим, можно подумать, он урод.

Первый раз Илья увидел ее из своего кабинета. Вошел Сергей, широко распахнув двери, пригласил Илью с женой на день рождения, дежурно поинтересовался здоровьем отпрысков, еще какой-то ерундой…

Илья отвечал машинально, его внимание привлекла девушка в приемной. Она стояла, глядя в сторону окна, в желтом облегающем платье, а темно-каштановые прямые волосы струились до пояса. Желтое платье, смуглая кожа, волосы, отражающие солнечный свет, изящная фигура создали живую картину в золотистых тонах. У Ильи внезапно перехватило горло.

А Сергей говорил, говорил… «Когда же он уйдет?» – переживал Илья. Наконец тот вышел (не закрыв дверь) и, пересекая приемную, направился в кабинет папочки – напротив. Илья вышел из-за стола и спросил девушку:

– Вы ко мне? Проходите.

Секретарша перестала шуршать бумагами, вытаращившись: шеф снизошел до какой-то девицы, сам приглашает в кабинет! Девушка повернула к нему лицо, светлое, с открытым взглядом зеленых глаз, и чарующим голосом очень просто сказала:

– Я жду Сережу.

Ну да, конечно. Иначе зачем сюда, в бездушное место, пришла бы эта красивая, нежная девушка? Только с Сережей.

– Тем более проходите, – пригласил Илья.

Она робко вошла. Он уселся за абсолютно чистый стол, на нем находился лишь перекидной календарь да прибор с авторучками и карандашами. Ей предложил стул, а сам достал папку, раскрыл и с умным видом начал водить авторучкой по строчкам документа, который был ему до фонаря, бросая вороватые взгляды на девушку. Вблизи она не девчонкой выглядела, а молодой женщиной – утонченной, грациозной, недоступной. С любопытством она рассматривала скучный кабинет, остановила взгляд на картине – местный автор изобразил известную часть города в манере кубизма. На ее лице появилось выражение жалости, наверное, к художнику.

– Мне тоже не нравится эта картина, – сказал Илья и подумал: «Сегодня же заставлю снять мазню».

– Зачем тогда она тут висит?

– Подарок.

– Вера! – позвал из приемной Сергей, задержавшись на пороге кабинета. – Илья, знакомься, это моя очень близкая подруга Вера. А это Илья Николаевич, второе лицо города. Он очень серьезный, суровый и строгий человек. Вера, идем?

Так и познакомились. Они ушли, а в кабинете целый день стоял ее запах, не духов, нет, а особый, еле уловимый запах женщины, до этого незнакомый Илье. Он чуял зов плоти, как самец во время гона, и не мог преодолеть это состояние.

И вот клуб. Гостей встречали Сергей и Вера, выглядевшая потрясающе. На ней не было дорогущего наряда в отличие от других вуменс, всего лишь красное платье, слегка открытое спереди и с глубоким вырезом сзади, плотно облегающее фигуру (потом она ему снилась именно в этом платье), черные туфли и черные чулки. Волосы зачесаны и собраны в пучок на затылке, в ушах – шарики под черный жемчуг, закрывающие мочки, и – все.

Илья перевел взгляд на жену – его родная Люба как раз проходила за стол к нему спиной. Огромный зад при каждом шаге вздрагивал и долго колыхался, серебристое с крупным рисунком платье, казалось, делает ее фигуру в два раза больше. Почему он не обратил внимания на ее наряд? Что за любовь к крупным рисункам и сверкающим вещам при ее-то комплекции? А прическа! За эти букли следует казнить парикмахера. Люба вытерла уголки губ большим и указательным пальцами, комично приоткрыв рот, сверкнули бриллианты. «Елка», – зло подумал Илья. Ко всем неприятным открытиям, возвращаясь после курения, он случайно услышал диалог Веры и Сергея.

– Это его мать? – глядя куда-то в зал, спросила она.

– Жена, – ответил Сергей, проследив за взглядом. – Давай пошлем все к черту и уедем?

Вера рассмеялась, взяла Сергея за руку и увела в зал. Илья понял: о нем и Любе шла речь, в тот момент и взошли ростки ненависти к Сергею. Весь вечер он старался не смотреть на Веру, голова сама поворачивалась в ее сторону. Не выдержал, пригласил на танец. Кто-то танцевал с его женой – ну, это подхалим. Когда Илья дотронулся до тонкой талии, а Вера положила обнаженные руки ему на плечи и подняла глаза, понял, что хочет ее, хочет на патологически-животном уровне. Ничего подобного с ним не случалось! Жене изменял со спокойной совестью, но отвращения к ней не питал, не стыдился ее, и вдруг – переворот. Ни одна женщина не вызывала таких эмоций, какие пережил, танцуя с Верой. Это пугало. От напряжения лоб покрылся испариной, к счастью, танец закончился, он проводил Веру на место, поцеловал руку, тонкую руку с нежной кожей и голубыми жилками, с длинными заостренными пальцами…

Дома Люба бесилась! Замечено было все: с ней, Любой, не танцевал ни разу, вниманием не баловал, был мрачный, с очередной подстилкой Сергея топтался, обнимаясь, и даже ручку чмокнул ей не так, как всем. Подобные ссоры обычно заканчивались сексом, правым оказывался Илья, Люба под давлением его аргументов – виноватой. На сей раз он демонстративно повернулся к жене спиной, накрылся одеялом и сделал вид, что заснул несправедливо оскорбленным. Не было желания прикасаться к жене. Потом в мыслях он научился представлять себя с Верой, а на деле обнимать Любу.

Илья зорко следил за развитием отношений красивой пары – как о них говорили, подозревая, что это ненадолго. А они ссорились, и всегда по вине Сергея. Вера не закатывала истерик, а просто уходила. В один из таких моментов Илья догнал ее и довольно было вопроса – что случилось? – чтобы голова Веры оказалась на его груди. Обнимая плачущую девушку, он утешал ее, и одному богу известно, что в нем бурлило. Повез Веру к маме, предложил выпить шампанского на брудершафт, с собой была бутылка. Выпили. Сначала он едва коснулся губами губ Веры, но вдруг занесло, Илья схватил ее голову руками и прилип к губам. Она еле вырвалась, возмущенно выкрикнув:

– Не смей никогда!

Их отношения стали предельно натянутыми, но говорили друг другу «ты». Один раз все-таки он заполучил ее…

Подъезжая к ботаническому саду, заметил Веру сразу, она бросается в глаза, стояла, прислонившись к стволу каштана.

– Садись, – открыл он дверцу, не выходя из машины.

Илья крутил руль и косился на нее, не виделись-то год. Совершенно не изменилась, только чуточку похудела, в глазах появилась печаль, чего раньше не было, но это делало ее еще и загадочной.

– Куда ты меня везешь? – спросила она.

– Ищу безлюдное место. Я не могу свободно общаться с женщиной на виду у всего города.

Дальше ехали молча. Рядом с ней он чувствовал себя по-идиотски: руки и колени дрожали, учащенно билось сердце. В заброшенном сквере на окраине города Илья остановил машину, повернулся к ней корпусом:

– Слушаю тебя, Вера. (Вот не получается такой интонацией сказать «Любаша»).

– Мне нужны деньги.

– Сколько? – Начало ему понравилось.

– Две тысячи долларов.

– Сколько?! – А сумма ему не понравилась.

– Две тысячи баксов. Пока.

– Пока?! – обалдел он. – В таком случае разреши поинтересоваться, зачем тебе такая сумма, раз ты просишь…

– Не прошу, а требую.

– Ого! Требуешь! Так зачем?

– Я же не спрашиваю, зачем ты так много воруешь. Тебе надо? Воруй, но поделись с ближним. Ты мне должен за моральный и физический ущерб.

Илья выжидал, что она еще скажет, на душе почему-то стало спокойно, колени и руки перестали дрожать. Дождался:

– Ты, наверное, не помнишь, где потерял свой крест?

Не помнил. Такой крест – единственный в мире. Коралловый, внутри полый, закрывался завинчивающейся золотой пробочкой с ушком, через которое протягивалась цепочка. Пустота внутри заполнялась, по преданиям, ядом во времена наших прапрадедов и, когда владелец креста попадал в плен, у него была возможность уйти из жизни с помощью яда. Историческая ценность. Это не все. Крест обвивали золотые ветки китайской розы с листиками и колючками. Внутри цветков можно увидеть тычинки, но уже с помощью лупы. Это шедевр ювелирного искусства. Илья гордился им.

– Думаю, твоя жена его сразу узнает. А потерял ты его у меня.

– Шантажируешь? Вера, детка, я непотопляемый. (Она улыбнулась, наклонив набок голову, как бы любуясь идиотом, а Илья рассмеялся.) Не надо меня пугать, не боюсь. Ты хоть понимаешь, что я тебя в порошок могу стереть?

– Не сотрешь. Твоей ревнивой жене скажу, что крест ты подарил мне, что я твоя любовница. Мне она поверит, не сомневайся. А если понадобится, все узнают и остальное, уж я постараюсь растрезвонить.

Этой Веры он не знал. Раньше ее хотелось обнять, защитить, теперь перед ним – красивая, расчетливая, наглая хищница.

– А доказательства? Кроме креста? Какие у тебя доказательства «всего остального»?

Илья поставил локоть на руль, подпер подбородок ладонью и любовался ею. У многих глаза зеленые, у многих губы пухлые и зовущие, брови вразлет, волосы роскошные, а фигура статуэтки – это всего лишь обозначения деталей. Но есть еще что-то, выделяющее из тысяч красивых женщин одну.

– Не докажу? А скандал? – оживилась Вера, полагая, что здорово пуганула Илью. – Вовек не отмоешься. Карьера твоя пошатнется все равно, а ты у нас честолюбивый. И жена тебя с кашей съест. Согласись, твое семейное благополучие и карьера стоят гораздо больше.

Стерва. Скандал она, конечно, может устроить, только у нее вряд ли есть подтверждения. Крест? Да, с Любашей будут проблемы, с тестем тоже – он московская акула, хребет перекусит на раз. Не проблемы, а проблемищи будут с тестем, чтоб он… Безупречную репутацию подмочить Вера тоже может, но дело в другом: как паук, Илья чувствовал, что муха в его руках, надо лишь найти нужную паутинку.

– Я хочу тебя, – вдруг ни с того ни с сего сказал он.

Вера вздрогнула, на мгновение на ее лице появилась растерянность, потом она слегка наклонилась к Илье и зло прошипела прямо ему в лицо:

– А я тебя – нет.

Илье захотелось ее ударить. Змея. Пришла дразнить. Не боялся он ее, нет. Горе-шантажистка, с этим как-нибудь справится. А вот она ему нужна – факт. Как воздух, как сигарета, как кусок мяса, наконец. Понял одно: ему не отделаться от нее, рядом нет, но всегда с ним – так до психушки недалеко. В Москве ходил к психологу (дома не мог позволить такую роскошь, вдруг узнают). И что тот? «От любви еще не придумали терапии». Кретин. Какая там любовь! Это что-то сильнее банальной любви, это «что-то» сожрет его, если не принять мер.

– Вера, у меня нет таких денег, – тянул он время.

– Не смеши!

– С собой. Я подумаю, мы с тобой встретимся еще…

– Нет, дорогой, завтра гони деньги.

– Завтра не могу, делегация из Америки приезжает. Завтра никак, при всем желании.

– Тогда в пятницу. И никаких – «в пятницу не могу». Иначе я твою жизнь превращу в ад.

– В пятницу? Думаю, часам к девяти вечера освобожусь.

– В пятницу в десять вечера, – дала она еще час, – у входа в центральный парк. С деньгами и, как говорят, без фокусов. Вези меня обратно.

На лице Ильи играла улыбка, до пятницы он придумает, как быть.

Время подходило. Из клуба Илья отчалил по-английски, сел в машину и набирался решимости. А что тут думать? Самое простое решение: она пошла напролом – хорошо, он поступит так же.

Заглушив мотор у парка, несколько минут ждал, даже испугался, что Вера не пришла, но вдруг из темноты отделилась женская фигура. Не столько узнал, сколько почувствовал: она. Пряталась, не доверяет. Заныло внутри, отдаваясь внизу живота – с этим пора покончить раз и навсегда. Она села рядом, не закрыв дверцу авто, протянула ладонь:

– Давай.

– На, – кинул ей конверт, – здесь пятьсот баксов.

– Мне нужно две штуки. Я непонятно объяснила?

– Так вот, теперь ты слушай. Это, – указал он глазами на конверт, – плата за твои «ущербы». Не думай, что я испугался, уничтожить тебя с твоими доказательствами – раз плюнуть. Ты просто не понимаешь, девочка, с кем связалась. Знаешь, что такое психушка? Нет? Вера, детка, тебе не надо знать. А если хочешь полюбопытствовать, давай съездим туда на экскурсию. Уверяю, тебе не понравится. Крест? Разве ты не могла его украсть? Моя жена поверит мне, потому что любит меня. Поверит, поверь мне. Не отрицаю, сначала она закатит скандал, а потом окажется виноватой и будет просить прощения. Так уже было не раз. У меня есть власть и деньги. У тебя – ничего. Конечно, Вера, правда на твоей стороне, но это знаю я и Черемис, а он сделает, как скажу я. Тебя легко объявить шантажисткой-вымогательницей или сумасшедшей. Что до меня – скандальная слава и образ жертвы…

– Ты, Илюша, потрясающая сволочь, – спокойно подвела итог его речи Вера.

– Согласен. Но я также добрый и великодушный человек. Цени. Нужны деньги? Понимаю, иду навстречу: остальные предлагаю заработать.

– ?!.

– Тебе нужны деньги, а мне… ты знаешь, что нужно мне.

– Не поняла. Объясни, чего ты хочешь?

– Тебя.

Вера застыла, некоторое время смотрела на Илью ошарашенно, после паузы произнесла:

– Знаешь, это ненормальность какая-то… Ты собираешься платить за то, что я буду с тобой спать?

– Ага.

– Ну и сколько ты решил положить на мое содержание?

– Тысячу баксов в месяц.

– Не мало?

– Ха! Нормально.

– Проститутка получает больше.

– У тебя неверная информация, меньше.

– Как я тебя ненавижу. – Вера отвернулась от него.

– Привыкнешь. Так ты согласна?

– Мне надо подумать. Я дам тебе ответ…

– Нет, милая, сегодня, сейчас.

– Что, прямо здесь? – съязвила она.

Действительно, не будет же он… в машине и прямо в центре города в антисанитарных условиях, хотя этот психопат на все способен.

– Ты согласна? – не обращал внимания на ее тон Илья.

– Я думаю, – огрызнулась Вера.

– Думать некогда. Либо ты соглашаешься и получаешь раз в месяц очень хорошую сумму, либо я гарантирую тебе очень несладкую жизнь. Выбирай из двух «очень», другого не дано.

Она смотрела ему в лицо, жесткое и решительное, некрасивое лицо.

– Да или нет? – требовал ответа он, Вера кусала губы. – Говори, да или нет?

– Да! – рявкнула она и со злостью захлопнула дверцу.

Илья завел мотор, ехали быстро и молча. Вера поглядывала на него – сможет ли она подавить отвращение? Что в нем способно привлечь? Лицо – о нет. Но можно закрыть глаза. Рост. Мог бы родиться и повыше. У него красивые волосы, прямые, черные с проседью, он худой, спортивный… Передернула плечами, словно лечь предстояло с жабой.

Илья свернул под каменный свод арки и въехал в квадратный двор, окруженный со всех сторон единым строением. Первый этаж состоял из ниш, в некоторых стояли машины. В одну из свободных и въехал Илья торцом.

– Сиди здесь, – приказал он, подошел к двери и позвонил.

Вера думала: а не сбежать ли? Пока раздумывала, вернулся Илья:

– Выходи.

Они поднялись на второй этаж. С одной стороны – двери и двери, с другой – глухая стена. Их вел мужчина небольшого роста, в полумраке лица его Вера не рассмотрела. Повернули. Такой же коридор с дверьми… Около одной мужчина остановился, открыл ее ключом.

Очутились в просторной комнате, освещаемой двумя тусклыми лампами под пошлыми абажурами. В глаза бросилась большая кровать. Два кресла. Маленький столик, на нем стояла бутылка коньяка, набор рюмок. Ковер на полу, зеркало на стене, еще одно – на другой. Тяжелая штора, видимо, закрывала окно.

– Раздевайся, – приказал Илья, открывая коньяк.

– Здесь есть душ?

– Да, вон дверь. Но это потом. Пей.

Он протянул рюмку. Вера выпила. Илья налил еще, выпил и повторил:

– Раздевайся.

– Выключи свет.

– Нет, я хочу тебя видеть.

Вера повернулась к нему спиной, сняла шарфик и пиджак, бросила их на кресло. Стянула тонкий свитер. Соскользнула по ногам юбка. Она осталась в одном нижнем белье и колготках.

Сзади подошел Илья, взял ее за бедра, прижал к себе. Его горячее дыхание скользило по плечам, губы касались шеи. По спине и рукам Веры пробежали мурашки, а это только начало.

Он спустил бретели бюстгальтера, нежно поглаживал ее плечи. Медленно разъединил крючки, и бюстгальтер оказался на кресле. Вытащил шпильки из пучка волос на затылке и окунулся лицом в мягкие волосы, вдыхая только Вере присущий аромат, одурманивающий и возбуждающий. Одним движением повернул ее к себе лицом и… остановился.

Маска безучастия, в глазах – холод. Ну и пусть. Он платит. Потянулся поцеловать в губы, она отвела голову назад – ей противно, и скрывать это Вера не собиралась. Привыкнет. Илья стал целовать ее шею, по очереди сжимая полные, округлые и торчащие груди. А у его Любы висят до пупка… Фу! Выбросить Любу вон из головы!. Он опустился на колени, гладил талию, живот, бедра, снял маленькие трусики, целовал тело.

«Он определенно маньяк», – думала Вера. Парадокс, но глубокое отвращение к нему уменьшалось, чего она не ожидала. Может, нежность, накопившаяся у него за многие годы и теперь выплескиваемая на нее, немного смягчила, а может, год, проведенный без ласк и любви, давал о себе знать…

Быстро вскочив на ноги, Илья повалил Веру на кровать и, осыпая лицо поцелуями, расстегивал брюки.

– Ты хоть пиджак сними, – брезгливо проговорила она.

Илья замер. Девушка мастер ломать кайф, но с ним этот номер не пройдет. Вдохнув побольше воздуха, будто собираясь с силами, он принялся стаскивать с себя одежду. Руки подрагивали, вещи поддавались не так стремительно, как хотелось, что неожиданно насмешило Веру. Он даже показался совершенно беспомощным, когда навис над ней со страдальческим лицом и торчащим выгнутым отростком между ног. Днем казнит-милует, к нему стремятся попасть толпы народа, он важно дает интервью… Хозяин жизни без страха и упрека ушел в загул, забыв о жене и детях, жаждет одного: удовлетворить похоть – презрение перекосило красивый рот Веры. Будто догадавшись, о чем она думает, Илья приказал:

– Закрой глаза.

Она послушно закрыла и тут же почувствовала тяжесть и жар его тела, силу рук, обхвативших голову, и поцелуи на своем лице, частые и крепкие. Вера морщилась.

– Нет, дорогая, так не пойдет, – услышала прерывающийся голос Ильи. – Я хочу, чтоб ты отвечала.

– Как? – спросила с сарказмом.

«Ну и змея, – подумал Илья. – Но я хочу эту змею».

– С таким же успехом можно заниматься любовью с бревном, – произнес он. – Я хочу, чтоб ты обнимала, целовала и извивалась подо мной, как это было у тебя с Сергеем.

– Ты не Сергей.

Илью больно кольнуло в грудь, но он только свел челюсти до скрежета зубов и продолжил:

– Мы договорились, будь добра, выполняй условия. Я плачу, а ты отдаешься мне. Отдаешься, а не я беру силой резиновую куклу. Обними меня, ну!

– Прости, в роли проститутки я первый раз.

Она нехотя обняла Илью, приложив сухие губы к его губам. Он сразу обхватил ее рот своими влажными, горячими и сильными губами, высасывая всю ее холодность, не давал вырваться, пока она не успокоилась и не приняла поцелуй. Остальное – дело техники. Забившись в конвульсиях, Илья еще и режиссировал:

– Отвечай мне! Отвечай!

Вера задвигала бедрами в такт с ним. Вдруг ему показалось, тело ее вздрогнуло, сжатые губы ослабли и показались блестящие зубы, глаза приоткрылись, она ойкнула. Он не сделал ей больно, знал точно, значит… У нее оргазм! Илья яростно задвигал тазом, пока не услышал

тщательно скрываемый тихий стон. В этот миг все поплыло перед глазами, закружилось лицо Веры, реальность растворилась, Илья очутился в невесомости.

– Я люблю тебя, – беззвучно, одними губами прошептал он, замер и рухнул на Веру, надавив тяжестью покрытого испариной тела.

Так лежали некоторое время. Тихонько постучали. Завернувшись в простыню, Илья приоткрыл дверь, взял поднос с фруктами.

– Ты куда? – спросил Веру, когда та встала.

– В душ. Смыть грехи.

Он засмеялся, потом схватил ее за локоть и серьезно спросил:

– Ты что-то почувствовала?

– Отстань, – попыталась вырваться она.

– Нет, скажи, – не пускал Илья.

– Отвяжись!

– Ты кончила?

– Какая тебе разница? – Вера вырывалась и злилась, как кошка.

– Нет, посмотри мне в глаза и скажи: ты кончила?

– Ну, да, да, если тебе так хочется. Пусти!

Илья отпустил, Вера с силой захлопнула за собой дверь в душ.

– Какая ты красивая, когда злишься, – крикнул ей вдогонку, выпил коньячку и растянулся на кровати. Он был счастлив. Кажется, впервые в жизни.

Вера стояла под душем, не шевелясь и ругая про себя Илью: «Похотливая скотина, платит он! Возомнил себя половым гигантом. Свинья. Ненавижу…» Но! Кретин влюблен в нее. Не просто влюблен, здесь кроется ненормальная страсть, ей это на пользу, да и не так уж страшно оказалось.

Она вышла, завернутая в полотенце, прикрывавшее ее от плеч до начала ног, легла рядом с Ильей и закрыла глаза. Он рассматривал Веру, подперев голову рукой. Сколько мечтал о ней, любил лишь в воображении, теперь вот она, рядом, на одной кровати, до нее можно дотронуться, обнять, целовать. Он был несколько груб, но она тоже стерва приличная: то гадости говорит, то лежит бревном. Как ей объяснить, что у него это не блажь? Поймет ли? Ничего, он еще покажет, каким может быть чутким, ласковым и внимательным. Вера привыкнет к нему, своего Сережу-мудака и вспоминать забудет. На ее плечах и руках не успели высохнуть капли воды, Илья стал слизывать их языком.

– Где мы находимся? – поинтересовалась она.

– Это отель. Сюда можно спокойно приехать, и никто никогда не узнает, все останется в тайне.

Илья взял ее руку, касался губами каждого пальца, ладони. Опять появились силы и желание вновь испытать невесомость. Внезапно он очутился на спине от толчка. Лицо Веры находилось близко-близко, дыхание щекотало подбородок, глаза сощурились, а рука скользнула по телу вниз…

– Хочешь меня?

Спрашивает! Дальше – чудо! Вера сбросила полотенце, сорвала с Ильи простыню и, прильнув к нему всем телом, обвив ногой бедра, впилась в губы, будто вампир, чем привела в полный восторг.

Этой ночью они были как два зверя без человеческих излишеств: совесть, стыд, скромность. Илье нужен был короткий отдых, чтобы начать прелюдию снова. Она просыпалась, сначала нехотя, потом все больше распаляясь, отдавалась ему. Непредсказуемая женщина. Недавно хамила и лежала бревном, и вдруг – страсть, еще вечером смотрела с ненавистью, а сейчас… Это была сказка, пока в дверь не постучали, сообщив, что уже без пятнадцати четыре.

– Мне пора, сегодня охота, черт бы ее побрал, – сказал печально Илья.

– Вы все развлечений ищете, слуги народа? – пробормотала сонная Вера.

– Каждому свое, – улыбнулся он, обняв ее. – Не хочу с тобой расставаться.

– Оставайся.

– Не могу. Американцам обещали показать русскую охоту на кабана.

– А у нас кабаны водятся?

– Нет. Павел Сергеевич где-то раздобыл.

– И вы всем своим осиным кублом нападете на одного беззащитного кабана?

– Вера… Такая ты мне нравишься меньше. Есть охотники, а есть жертвы – так заведено, устроено природой. Часто жертва становится охотником, а охотник – жертвой, поменялись местами, и что изменилось? Ничего. Все зависит от того, кто оказался сильнее в нужный момент или хитрее. Такова жизнь на всех уровнях, будь то звери или люди. Мы же часть природы, живем по ее законам. Встретил бы я кабана в лесу один без оружия, возможно, мы поменялись бы местами и кабан охотился бы на меня.

– Не знала, что ты можешь мыслить образами.

– Не хотела знать, – уточнил Илья. – Давай одеваться.

По сонным улицам города двигалась одна-единственная машина, нарушая тишину шуршанием колес и звуком двигателя. Илья удивился, что Вера живет не там, где раньше, но спрашивать о перемене места жительства не стал.

– Ты доволен? – спросила Вера, когда он затормозил. – Гони еще пятьсот, деньги вперед.

И протянула раскрытую ладонь. Ну не стерва, а? Такую волшебную ночь грохнула в вонючую грязь денег, но договор есть договор.

– Скажи, – отдавая деньги, мялся он, – ты представляла кого-то другого, когда была со мной?

Вера сначала не могла понять, о чем он спрашивает, потом громко расхохоталась (и смеялась эта ведьма красиво):

– Бедный. Спишь с женой, а думаешь о других?

– Никогда не упоминай о моей жене, – гневно бросил он.

– Как скажешь, – смеялась Вера. – Но успокойся, я ни о ком не думала. Сексом занималась конкретно с тобой, отрабатывала честно.

Илья вздохнул. Вера будет его терзать и веревки вить, а сделать он ничего не сможет, все примет, лишь бы рядом была.

– Месяц за мной, – только и сказал.

– Кстати, ты не можешь сегодня помочь мне перевезти вещи? Или пусть кто-нибудь из твоих прихлебателей поможет.

Ага, будет он знакомить ее с другими мужиками.

– Верочка, сегодня никак. Наверняка до ночи буду на охоте, это мероприятие занимает много времени. Да и кого я сейчас найду? (Она хотела уйти, пожав плечами.) Могу предложить вариант. У меня есть машина… о ней почти никто не знает. Возьмешь? Ты же умеешь водить.

– Да. У меня и права есть. Сергею нравилось, когда я сидела за рулем, он и заставил меня сдать на права. (Опять Сергей!)

– Вот и отлично.

– А документы? – Ей нельзя отказать в практичности.

– Документы и ключи заберешь по этому адресу (Илья написал на листке, отдал ей), я позвоню туда. Доверенность получишь в понедельник вечером. До понедельника поменьше катайся. Во сколько, примерно, возьмешь машину?

– Ну, часов в девять-десять утра… Хочу выспаться.

– С девяти тебя будут ждать.

От удивления и радости Вера кинулась Илье на шею:

– Илья, я тебя почти люблю. За аренду машины обязуюсь любовью заниматься с тобой неделю бесплатно. В следующем месяце.

И поцеловала в губы. «Кошмар, а не женщина, – думал он, обнимая ее. – Она погубит меня».

– Вера! Встретимся в воскресенье в два. В том же номере, в 23-м.

– Счастливой охоты, – помахала она.

Машина скрылась за поворотом. «Готов», – злорадно подумала Вера, стоя посреди двора, окруженного высотками. Двор выглядел уныло под нависшей над ним тупой архитектурой, где человек ощущает себя не только букашкой рядом с угрюмыми стенами, но и никчемностью. Глядя в совершенно черное небо, Вера медленно побрела к сломанным качелям на детской площадке. Села на железный выступ. Кое-где в окнах загорался свет, люди начинали готовиться к долгому бессмысленному дню. Сквозь дым сигареты Вера видела свое прошлое, настоящее, будущее. И во всех временных пролетах возникал Илья, не последний человек в ее жизни.

– Ну, Илюша, ты попался, – вслух сказала.

О каком сне может идти речь, когда так хорошо?! Появилось море энергии, он был способен на любую мальчишескую выходку. Например, разбить окно в первом попавшемся доме и хохотать над испугом и злостью хозяев. Или горланить пошлые песни на центральной площади под гитару (не держал ее лет двадцать). Хотелось побеситься, совершить безрассудство. Сегодня ему не сорок два года, а восемнадцать! Сколько раз он занимался с Верой любовью? Не считал. Много раз! Невозможно, но факт! Он уж думал, импотенция не за горами, к сексу тянуло все реже. И вдруг восторг! Мог ведь так и умереть, не испытав удивительных ощущений. Потрясающая женщина! Но что произошло, почему она резко переменилась? Илья припоминал подробности свидания, когда дошел до того, как Вера пыталась скрыть оргазм, понял: «Я удовлетворяю ее. Ей хорошо со мной в сексуальном плане. Ну, я и дал!»

Только подъезжая к дому, задумался: что сейчас скажет Любаше? Дверь открывал тихонько своим ключом, чтоб не разбудить. В квартире принялся рыскать по шкафам… Шлеп, шлеп, шлеп… Не спит. Идет.

В дверях появилась сонная Люба с блестящим от крема (или от собственного жира) лицом и в белой ночной сорочке до пят. Не женщина вошла, а танк въехал, в дверной проем скоро не войдет.

– Где ты был?! (Началось!)

– Любаша, – сразу перешел в наступление Илья, не давая времени себе подумать, а жене опомниться, – я тороплюсь. Прости, родная, но один американец так перепил… Промучились с ним всю ночь. Я вымотался… Где мои джинсы?

– В антресоли… – с недоумением ответила она, глядя на невинную физию мужа.

– Часа два поспал у него в номере, думали, подохнет любитель выпить по-русски. Смех! А кроссовки где? (Люба ушла за кроссовками.) «Скорую» вызывали. А если б концы отдал? Возьми костюм. Там пятно на рукаве, на правом, кажется…

– Позвонить ты не мог?

– В голову не пришло. Представь, алкогольное отравление! Ты хоть представляешь, что это такое? Равносильно грибами отравиться. Какие там звонки!

Илья переодевался и врал так искренно, так честно, что у Любы ни на одно мгновение не возникло и тени подозрения.

– А куда ты сейчас собираешься? – опомнилась она.

– На охоту. Павел Сергеевич кабана раздобыл. Покажем оставшимся в живых гостям русскую охоту.

– Ты уже сутками находишься в рабстве у Тулина. Можно подумать, ты обязан ему…

– Обязан, – мягко перебил Илья. – Продвижением по службе. Терпи. Когда-нибудь я займу его место. Если выдержу конкуренцию, слишком много охотников получить кресло. Дай телефон.

Люба ушла за телефоном, переваливаясь. Илья на минуту перестал собираться, глядя ей в спину. Как же с ней в постель-то теперь ложиться? После гибкого тела Веры и бешеной страсти на жену смотреть нет желания, не то что прикасаться. Теперь только предварительно напившись можно с ней сексом заниматься, но до этого еще далеко, месяц-другой потерпит. В данный момент лучше не омрачать замечательно проведенную ночь мыслями о Любаше.

Она принесла трубку, Илья позвонил Симичу и Черемису. Ох, не любила их Люба! Один – шут гороховый с безумным выражением лица, особенно когда выпьет, другой – неприятный тип с внешностью уголовника. Один рот не закрывает, другой молчаливый и угрюмый. Оба заедут за мужем и отправятся за Сергеем. Сергей тоже не нравился ей: высокомерный. Если б Илюша не занимался этой работой… Сутками его не видит. Ни о детях, ни о ней не заботится, в гости вместе не хочет ходить, даже когда свободен. «Я устал», – его коронная фраза. Все суетится, тщеславный человек.

– Ты простила? – спросил Илья.

– Простила, – отмахнулась Люба. – Есть хочешь?

– Конечно! – воскликнул он, и это была единственная правда, сказанная жене. – Только один бутерброд сделай. Некогда. Пока приедут, успею съесть.

Он порхал из кухни в коридор и обратно с небывалой энергией и бодростью. Люба удивленно хлопала глазами, сооружая многослойную башню из хлеба, масла, мяса и сыра. Таким она обожала своего Илюшу, любовалась им, когда тот набросился на бутерброд. Он жевал торопливо, запивал соком, попутно рассказывал о гостях, остроумно подмечая смешные детали. Люба смеялась.

– Машина! – сообщил Илья, доедая остатки бутерброда, схватил ружье.

– Илюша, подожди, – услышал, переступая порог дома.

Люба подошла к нему вплотную, положила полные руки на плечи, глядя с любовью в еще жующую физиономию, нежно прошептала:

– Я люблю тебя, Илюша.

Чуть не подавился. Со скоростью света перед ним пролетела ночь с Верой. А конкретно сейчас стояла, обнимая его, очень толстая, некрасивая, совсем чужая женщина, мать его детей, которые тоже были чужими… Жалость… Илья погладил ее по щеке, поцеловал в лоб и вылетел на улицу.

За рулем сидел Олег, сзади, слившись с сиденьем, полулежал Черемис. Илья, взявшись за дверцу машины, поднял глаза на собственные окна. Свет в кухне горел, в окне вырисовывалась круглая фигура… «Любаша, – обратился он мысленно к жене, – если ты меня любишь, сделай доброе дело, умри, пожалуйста!» И захлопнул дверцу.

4. Куда ушел охотник?

Не открывая глаз, Сергей шарил рукой по столу, нашел звонившую мобилу и поднес к уху.

– Спишь? – Это был Олег, помощник отца.

– Нет уже, – раздраженно ответил Сергей.

– Ну, не злись. Мы через полчаса будем у тебя.

– Зачем?!

– Ты что, забыл? Охота! Мы едем за тобой. (Господи боже, сколько идиотского восторга.)

Гудки сверлили виски. Минуту Сергей держал трубку перед собой, пытаясь сосредоточиться, потом в нее громко сказал с обреченностью:

– Олежек, чтоб ты сдох!

Охота, пропади она пропадом! На кабана, чтоб он убежал. Страшно не хотелось вставать. На часах светилась цифра: пять утра! Е!!! Окончательно проснулся от нахлынувшей злости. Почему его всегда заставляют делать то, чего он не хочет делать? Почему преподносится в виде блага для него? Нравится корчить из себя охотников – пожалуйста. Обожаете милитаристов иностранных – лижите им зад сами вдоль и поперек, кто мешает?

Чем больше заводился, тем быстрее просыпался. Умылся.

Джинсы, кроссовки, куртка. Лишнего не брать. Все необходимое есть в охотничьей усадьбе. Вообще-то, не собирается он бродить «по прериям» на ветру и с тяжеленным ружьем, выспится где-нибудь.

– Да где же это чертово ружье?

Забыл на прошлой охоте? Теперь отец включит «пилораму». Когда-то хотел свое ружье (старое, настоящее охотничье с инкрустацией на прикладе) повесить на стену. Но тогда надо было приобрести полный набор: пистолеты, саблю, шашку, парочку кинжалов и ковер ручной работы. Ковры терпеть не мог, да и гоняться за раритетами нет ни времени, ни желания.

А ружья не нашел. Точно: забыл на охоте. Никто не возьмет, конечно, но надо быть внимательней. Пить надо бросить! Эх, кабы бросить мысль, что надо бросить пить, может, результат будет лучше. На кухне увидел водку, пепельницу с окурками, вспомнил о Лоре… Защемило под ложечкой. Нервы.

– Сначала в клуб заедем за харчем. Ну что, снял-таки вчера переводчицу? Молоток! Я думаю, уху сварить надо тройную, а? – трещал Олег без пауз. – Кстати, Серега, как ее зовут? Смотрю, ты ее и так и сяк… вдруг – нету. Да, Сергей, водку брать? Или только коньяк? Забыл у Павла Сергеевича спросить… Во нажрались вчера гости. Один по-русски, не Файтонс, другой, в очках, с вот таким шнобелем… Забыл. Так он спрашивает: как пить по-русски? Я ему полбокала водяры – раз. Пей, говорю. А он уже прилично назюзюкался. Глоток сделал и назад. Я ему: нет, дорогой, пей до победы. Выпил – и глаза на лоб, закуску шарит руками. Объясняю, что у нас после первой не закусывают, это каждый ребенок знает. Понял с трудом, переводчицы-то нет, Сергей увел. Потом мне еле разъяснил, мол, не первую пьет. Я ему: по-русски же первая. Ха-ха-ха! И вдруг в кресло упал, спит. Мы с Терновым еле до номера дотащили его. Вот. Сам такое слышал как анекдот, и сам теперь главным лицом был…

Ему стукнуло тридцать, но он уже сделал карьеру: на побегушках у отца Сергея и его замов. Почему отец окружил себя странными типами? Илья – сам себе на уме, затаился на заднем сиденье с Черемисом – два тарантула. Олежек корчит из себя придурка, именно корчит. Тернов Игорь – с лицом чистым от интеллекта. А Родион? Тупой, заносчивый, два слова не связывает. Да всех, кого ни перечисли, можно в тюрьму сдавать без зазрения совести. А отец… Странно. Не понимал его Сергей.

Илья на заднем сиденье прикрыл глаза и находился в воспоминаниях. Ух, как хотелось, чтоб узнал Сергей! Вот бы бесился! Когда у них с Верой произошел разрыв, Сережа превратился в вечно пьяную свинью. Ему вряд ли все равно, с кем она встречается. Услышав рассказ Олега о перепившем американце, подумал, хорошая же у него интуиция, ведь жене врал слово в слово, а вышло, что говорил правду. Получается, он честный человек.

– Так как ее зовут? А, Сергей? – продолжал Олег. – Надоест, я за ней приударю, идет?

– Олег, я еще не проснулся, а у тебя столько вопросов… Мозги не успевают, – лениво промямлил Сергей.

– Ха-ха, перепил вчера?

– Вчера – нет.

Сергей редко выходил из состояния апатии, сейчас к ней примешалась еще и тревога. Тревога… Новое самочувствие, незнакомое, необъяснимое. А если позвонить и сообщить о Лоре? Его отвлек Олег, рот которого не закрывался, теперь тема – охота. Неужели правда любит охотиться? Или хозяевам угождать? А что больше? Дома жена слоняется, сопливый ребятенок пищит, дожидаясь папочку, а папочка по охотам, баням и бабам шатается, находясь в услужении начальства 24 часа. В перерывах делает вид, что работает, а главное, веселит всех. Плебей-плейбой. Сергей открыл окно автомобиля и сплюнул.

– Ребята, – раздался утомленный голос Ильи, – если жена поинтересуется о сегодняшней ночи, скажите, что я с пьяным американцем был.

– Нет проблем, Илья Николаевич, – пообещал Олег. – А где вы были?

– Так тебе и скажи! – улыбнулся хорошо отрепетированной самодовольной улыбкой Илья.

– Не-не, так не пойдет, – не унимался Олег. – У вас кто-то появился, женщина, да? Мы должны оценить.

Работая под простачка, Олег всегда стремился стать на одну ногу с руководством. Кроме Павла Сергеевича, его он побаивался. Илья усмехнулся:

– Кто сказал, что это женщина? Я в преферанс играл.

– Знаем этот преферанс! – рассмеялся Олег. – Она хоть красивая?

– Очень.

– Когда покажете, Илья Николаевич?

– Никогда. А то отобьешь, – отшутился тот.

Он приподнялся посмотреть в зеркало над лобовым стеклом, как реагирует Сергей. Никак. А зря. Илья абсолютно был уверен в молчании коллег, Люба не узнает, в их кругу не принято строить козни на любовных интрижках. Более того, тщательно покрывались увлечения от жен и мужей, так как почти у каждого рыльце в пушку. Таким образом проявлялась солидарность, несмотря даже на антагонизмы. Конечно, бывали случаи доносов, когда хотели сильно нагадить, но за доносами следовала безжалостная кара.

Около клуба Сергей мрачно наблюдал, как забрасываются в багажник картонные коробки со всякой снедью. Армию можно накормить.

– Алло, Саныч?.. – заговорил в мобильник Илья. – Извини, что так рано беспокою, но сейчас выедем за город и не смогу дозвониться… На охоту… Спасибо. У меня просьба. Сегодня к тебе часов в девять-десять зайдет женщина, выполни ее просьбу… Имени не могу назвать… Ну, среднего роста, стройная, каштановые волосы, глаза зеленые… Угу, красивая… У нее записка от меня, почерк мой ты знаешь. Сделаешь?.. Еще раз извини и спасибо.

В зеркале заметил: Сергей уставился на него с любопытством. Удовлетворенный Илья откинулся на спинку сиденья.

Илюша, хитрый паук, думалось Сергею. О своих делишках предпочитал помалкивать, строил из себя добропорядочного семьянина, ханжа. Иногда пробегал слушок о его пассиях, но лишь на уровне сплетен. Вдруг ему срочно понадобилось обнародовать адюльтер. Он ничего

не делает просто так. Устроил демонстрацию для Сергея? Бедняга, мучают Илюшку комплексы. Невысокий, неказистый, скрытный, хитрый… Что за красотка легла к нему в постель? Явно мымра, достоинство которой одно: стройнее жены.

– Сергей, так брать водку? – заглянул в машину Олег.

– Бери, бери, не твое же, – буркнул тот.

– Да ты чего, Серега?! Павел Сергеевич велел… Ты не в духе? Ничего, на охоте поднимется и дух, и настроение, и еще кое-что… Там же наша переводчица будет, ха-ха!..

Не обиделся даже. Слуга. Нет, огонек злой в поросячьих глазках мелькнул, мелькнул… Не любит Серегу.

Дорога была длинной. Иногда Олег рассказывал скучный анекдот, большую же часть пути делал вид, что следит за трассой. Значит, обиделся, не без усилий подавлял обиду. А чего обижаться, раз живешь на халяву?

Павел Сергеевич встретил сына и подчиненных. Этот высокий, совершенно седой, с крупными чертами лица, в той полноте, которая называется возрастной, умный человек отличался от многих своих сотрудников мягкостью характера, тактом и долей консерватизма. При этом размазней его нельзя назвать. В делах проявлял твердость, несгибаемость в решениях, а иногда и жестокость. На матери Сергея женился по любви, но очень удачно. Отец ее был председателем одного из самых передовых колхозов со всеми регалиями, возможными в то время, имел почет, уважение и деньги. Тесть оказался еще и отличным толкачом зятя, успешно продвигая по службе. Павлу Сергеевичу давалось все легко, благодаря коммуникабельности и уму. Он предложил взглянуть на кабана, пойманного два дня назад, Сергей улыбнулся: все правильно, если отцу взбредет в голову устроить охоту на кита, его привезут, выпустят в реку, а там хоть потоп.

Кабан лежал в микрогрузовике, опутанный веревками, при звуках ненавистных голосов задергался и захрипел. Люди окружили машину, восторгались размерами зверя. Кроме Сергея. Глаза кабана постепенно наливались кроваво-злым огнем, мышцы иногда напрягались, пробуя разорвать веревки. Отец протянул руку и хлопнул по задней ляжке зверя, тот дернулся, как от ожога, зарычал.

По-настоящему охоту любил дед, отец матери, он и ружье Сергею подарил. Отец у деда научился делать охотничьи вылазки для начальства, только дед охоту ограничивал зайцами и дичью – тогда кабаны водились в этих местах. Теперь их нет, а отец устраивает королевскую охоту.

– Кабана где взяли? – спросил Сергей одного из егерей.

Отец дал другие названия должностей: рыбинспектор, инспектор по охране степи и так далее, у егеря зарплата небольшая, а у инспектора приличная. Очень папа любил охоту да рыбалку, любил и тех, кто профессионально помогал.

– Из заповедника к нам забежал, – ответил егерь. – Он тут всю степь переполошил, прятался в камышах. Еле отловили. Здоров, гад, и хитрый.

– У нас заповедник есть? Не знал, – искренне удивился Сергей. Остальные уходили к дому, что-то обсуждая.

– Есть небольшой. Здесь степь, не совсем, конечно, но лысых мест больше. Километров 35 отсюда сделали заповедник. Дед ваш беспокоился, его идея. Там лес смешанный, круглый год охота запрещена, а здесь – по сезонам. Так зверье умное: едва открываем охотничий сезон, оно отсюда сбегает в заповедник. Понятно, жить и зверю хочется.

– А сезон открыли?

– Нет. В ноябре только, – ответил егерь, закуривая.

– А как же?..

– Ну, это из уважения к Павлу Сергеевичу. Соответствующее распоряжение он подписал. («Своя рука – владыка», – подумал Сергей.) Хорош секач, хорош…

– Секач? Это значит, старый? Он же вонять будет.

– Да нет, не старый. Клыки вон какие… крупный, потому и секач. А мясо у них воняет во время гона, сейчас гона нет. Кабан, конечно, не свинья, вкус другой и мясо жесткое, так это ж дикое животное. Пора. А то ваши гости приедут, а тут связанный зверь лежит – нехорошо. Мы обговорили с Павлом Сергеевичем, где его выпустить и когда. Охота будет, обещаю. Развлекайтесь.

И ушел. Кабан устало прикрыл глаза, иногда издавал звук, напоминавший стон. Сергей перегнулся через борт грузовика, приблизил лицо к его морде и вдруг… Кабан перестал дышать, открыл глаза и уставился на Сергея. Говорят, звери не выдерживают человеческий взгляд. Черта с два. Глаза кабана внимательно изучали Сергея, будто запоминали каждую его черточку. Отвести глаза захотелось человеку, который не знал, что у кабанов плохое зрение. Слегка зашевелились ноздри зверя, он вдыхал запах человека. Точно, сволочь, запоминает. По спине Сергея пробежали мурашки, он отпрянул от грузовика, а кабан угрожающе зарычал.

– Да пошел ты… – тихо сказал человек.

Светало. День снова начинался безрадостно.

Тихое осеннее утро растормошили оживленные голоса, смех, хлопанье дверцами машин. Ирина потянулась сладко, лениво поздоровалась с Сергеем. Американцы, осматривая окрестности, восторгались пейзажами, глубоко вдыхали пахнущий травами воздух. Один не восторгался и не разговаривал, Тернов поинтересовался его здоровьем. Джейб покачал головой, положив руку на грудь, мол, плохо. Игорь, смеясь, заметил, что теперь американский друг имеет возможность узнать еще одну особенность: опохмелку по-русски. Выслушав перевод, Джейб отрицательно замахал руками. Из машины вышли Зося и ее отец… Сергей выразительно посмотрел на папу.

– Поскольку у нас на охоте есть одна дама по долгу службы, что само по себе исключение, я решил пригласить и Зосю, чтоб Ирине не было скучно, – оправдался отец.

– Понял, понял, понял… – покивал головой, как болванчик, Сергей и повернулся, широко улыбаясь, на приветствие отца Зоси.

– Как я рад! Как рад! – обнял тот кандидата в зятья.

Его единственная дочь скромно кивнула. Разговаривая с ним, Сергей глядел по сторонам, остановился на Илье. Все общались между собой, помогали друг другу выносить вещи из машин, кто-то знакомился, а этот стоял на крыльце, широко расставив ноги, слегка запрокинув голову назад, покачиваясь с пяток на носки и обратно. «Прямо индюк во всей красе», – подумал Сергей.

Решили сначала перекусить на скорую руку, а потом отправиться на охоту. «Скорая рука» состояла из многообразных закусок и свежих овощей, аромат накрытого стола забивал одуряющий запах кофе. Во дворе беспрерывно лаяли знаменитые охотники Тернова, собаки инспекторов спокойно лежали, прикрыв веки, ждали работы.

– Да уйми ты своих шавок, – раздраженно шепнул Сергей.

– Во-первых, они породистые, – вызывающе ответил Тернов. – А во-вторых, лают, потому что привязаны. Они терпеть этого не могут.

– Ну, отвяжи.

– Не могу. Других собак задирать будут.

– Тогда какого хрена их взял? От двух псов шуму, как от своры.

– Это мое дело, – отрезал Игорь, отвернувшись.

Аккуратно подстриженный затылок Тернова вернул Сергея к мысли, что в его окружении и окружении отца за редким исключением одни мудаки. Потеряй сейчас отец власть и деньги,

моментально вокруг образуется вакуум, мало того, набросятся на него с шакальим аппетитом и растерзают. Сергей поежился от неприятных дум.

– Тебе холодно? – спросил Вадим, сидевший рядом, один из немногих, кому Сергей доверял.

– Морозит немного.

– Принести куртку? (Сергей отрицательно мотнул головой.) Как хочешь.

Мужчины, надев сапоги и ветровки, прихватив ружья, выходили.

– А ты? – удивился отец, увидев, что сын не переоделся.

– Останусь с дамами в качестве охраны.

– Ты упустишь шанс поохотится на кабана?

– Папа, я ведь плохой охотник, ты знаешь, и буду плохим убийцей.

Отец хотел что-то сказать, но передумал, махнул рукой, попросив:

– Зосю не обижай.

– Yes, сэр.

Иногда Павлу Сергеевичу хотелось дать сыну хорошую оплеуху, сделать сотрясение в его голове, чтобы там все встало на места. Он любил Сергея, а вот сын, кажется, подобных чувств к нему не питал. Обидно.

Все ушли. Остались Сергей, Ирина, Зося, пожилой сторож и Джейб, мучившийся тяжелым похмельем, его уложили на втором этаже.

Тишина. Безветренно. Пасмурно, но дождя не будет. Девушки убирали со стола, сторож сооружал костер. Сергею дела не нашлось, да он и не стремился занять себя, поэтому двинул к реке.

Бродил по берегу, потом сел на огромный ствол поваленного дерева и уставился на воду. Вода у самого берега еле слышно уговаривала: не думай… не думай… Он поддался гипнозу, постепенно улетучились все мысли. Внимание привлекла ползающая по илу лягушка. На кончик соломинки Сергей нанизал листик, стал водить им перед носом лягушки. Она, приняв лист за насекомое, прыгнула и повисла, ухватив соломинку ртом. Несколько секунд висела и плюхнулась назад в ил. Так несколько раз. Надоело. Вот и поохотился.

Мимо проплыла водяная крыса, рассекая поверхность воды и не издавая плеска, так же бесшумно скрылась в камышах. Сергей лег на спину, закинул руки за голову. Лежал, лежал и заснул…

– Сере-жа… – услышал у самого уха и открыл глаза.

У изголовья, склонившись к его лицу, сидела Ирина.

– Что там? – протирая глаза, спросил Сергей.

– Сторож варит уху. У него котел… я такие только в кино видела.

– А Зося? – Сергей потянулся, хрустнули кости, приятно.

– Рыбу чистит. Милая (терпеть не мог это слово) девушка. Эрудированная. А хорошенькая, как кукла.

– Моя секретарша, – развел он руками, мол, других не держим.

– У тебя хороший вкус, – заметила Ира, приподняв почему-то одну бровь.

– Конечно. Иди ко мне, – потянул ее к себе он.

– Ты с ума сошел… Ну, перестань… Что, на бревне?..

– На стволе дерева, – уточнил он, целуя ее. – Романтика.

Уложил. Ирина, прикрыв глаза, симптоматично задышала… «Интересно, притворяется или на самом деле чего-то там чувствует?» – спрашивал себя он, расстегивая клетчатую рубашку на ней. Расстегнул. Принялся стаскивать джинсы. Мокрыми их натягивали, что ли? Кто-то ойкнул! Естественно, оба вскочили. Недалеко стояла Зося с квадратными глазами.

– Зося, что-нибудь случилось? – спросил Сергей как ни в чем не бывало, но ответа не получил. – Охотники вернулись?

– Нет, – с трудом выдавила Зося. – Извините… Я думала… Там… Нам… предлагают поездить на лошади… если хотите… Извините.

И убежала легко и быстро. Ирина расхохоталась:

– Да она влюблена в тебя.

– У тебя смех, как у ведьмы, – проворчал он. У него вдруг появилось ощущение, что с Ириной находится бок о бок лет сто.

– А ты и с ведьмами спал? Не расстраивайся, не мы первые попались, не мы последние… Ладно, пойдем, раз так вышло.

Сергей наблюдал, присев на крыльцо, как Зося пыталась влезть на лошадь. Сторож давал ей ценные указания, держа клячу за повод. Зося сосредоточенно вставляла ногу в стремя, но стоило ей сделать попытку сесть в седло, лошадь отступала в сторону и девушка повисала, судорожно цепляясь за ремни. Просто мисс неуклюжесть. Неужели это так трудно? Сергея потянуло попробовать самому, но было неловко, он только крикнул:

– Зосенька, тебе помочь?

– Нет, – ответила она, не обернувшись.

Ирина хлопотала у костра, осторожно опуская куски рыбы в котел. А Зосю подсадил водитель микрогрузовика, который давно вернулся. Его помощь она приняла, старик повел лошадь под уздцы, приговаривая:

– Не переваливайся с боку на бок. Не бей пятками по бокам.

– Скажите, долго их ждать? – подошел к ним Сергей и пошел рядом.

– Кто знает. На кабана сложно охотиться.

– Застрелить замученное животное сложно?

– Не скажи… Кабан зверь сильный, умный, хитрый.

– А я думал, кабаны тупые.

– В сказках, – буркнул старик. Видимо, такая охота ему тоже не по нраву. – Он любит жизнь, просто так не захочет ее отдать. Его сутки ловили. Мимо ходили, шумели, чтобы выманить, а он притаился и ждал, пока все не пройдут. Сначала не хотели брать собак, боялись, шкуру попортят, да без них никак. Так он одну зарезал. Только в воздухе кувыркнулась – и кишки наружу… Жаль пса. Сходи-ка, принеси еще дров, они за домом лежат, накрытые толью. Рубить хоть умеешь?

– Попробую. Зосенька, не упади, а то я лишусь секретарши.

– Свято место пусто не бывает, – парировала девушка.

Ого! У нее характер есть, а то все глазами хлопает да головой кивает. «Злись, хоть лопни, – весело подумал Сергей, – а я на тебе все равно не женюсь». И пошел за дровами.

В начале второго раздались выстрелы, громкие возгласы, лай собак, что означало: мы вернулись. На длинном шесте, изогнутом от тяжести, несли привязанного за ноги кабана. Несли по очереди, так условлено: никаких машин, все должно быть натурально, как во времена прадедов. Файтонс за несколько шагов до костра рухнул на землю от усталости. Второй нес кабана и свалился около него, лишь только сбросили зверя с плеч. Третий, Джейб, к этому времени проспавшись, скакал вокруг, выкрикивая горловые звуки и вызывая восторг охотников.

Сергей не стал слушать фальшивые песни о «потрясающей охоте», направился к мертвой туше. На задней ноге и спине виднелись раны – следы работы собак и неточных выстрелов. Один глаз был полузакрыт, мутный, безжизненный, второй… Меткий выстрел. Вместо второго глаза – кровавое месиво.

– А угрожал мне, – вздохнул Сергей, присев на корточки.

– Файтонс его уложил, – раздался над ним голос отца. – Отличный выстрел. Я стрелял, но попал где-то в области груди, надо будет посмотреть, куда попал. Кабан только дернулся. Смотрю – несется прямо на меня. Свирепый. Мне впервые стало страшно. Файтонс подскочил ко мне и с одного выстрела… Я ему теперь обязан. Да… Погонял он нас. Стреляли много, а ему хоть бы что. Либо мимо, либо шкуру царапали. А бегает как! Собак загнал. Отличная охота.

– Помучили вы его здорово, – пожалел кабана Сергей.

– Сережа, ты когда-нибудь бываешь в духе? Чего тебе не хватает? – Павел Сергеевич начал заводиться.

– Мне, папа, всего хватает.

Сергей встал перед отцом лицом к лицу, чуть наклонив голову вперед, отчего взгляд исподлобья сделался колючим и непримиримым. Павел Сергеевич терпеть не мог это выражение с мальчишеских лет сына, но умел владеть собой.

– Тогда смени мимику, – сказал он мирно.

– Yes, сэр. (Действительно, лицо сына стало другим.)

– И обратись к психиатру.

– Yes, сэр.

М-да, нервы иной раз и Павла Сергеевича подводили. Он покраснел от негодования, бугры над бровями вздулись, задергался левый глаз, к счастью, подошли хозяева охотничьего угодья, отец переключился на обсуждение меню. Печень по-охотничьи – первое блюдо после такой охоты, вырезка в глине – готовится под костром, жаркое по-литовски гинтарас на сковородке…

Сергея тошнило. А когда в кабана вонзились отточенные ножи, он быстрым шагом ушел прочь. Убитый зверь… Лора… полуприкрытые глаза… веревки, перетянувшие мышцы… темная дыра вместо глаза…

На метровых вертелах жарили печенку над костром. Выносили столы и раскладные стулья – кабанчика решили съесть на свежем воздухе. Сторож с Зосей заворачивали большие куски мяса в марлю, сверху обмазывали глиной, укладывали в специально подготовленную яму. Копошащиеся люди напоминали первобытных дикарей, смысл жизни которых – пожрать. Сергей лениво открывал бутылки, наблюдая издали за отцом, который держал в окровавленной руке сердце и показывал каждому в отдельности. Попал в мышцу сердца!

– Он бежал мертвый. Я застрелил убитого зверя, – удивлялся Файтонс.

– Таких примеров много, – начал занудливо старик Бельзин. – Вот на войне был случай…

Его не слушали, потихоньку расходились под предлогом неотложных дел. Его «случаи» на все случаи надоели до смерти. Подошла очередь показать сердце Сергею, он с отвращением отвернулся от окровавленной руки:

– Уволь, папа, это твои радости.

– Ты слабак, – не преминул поддеть его Тернов. – Егеря горячую кровь пили, завалив кабана. Надрез сделали, кровь рекой, а они кружки подставляют…

– А ты не пробовал? – перебил Сергей.

– Хотел, да… не рискнул.

– Тогда и ты слабак.

Игорь пожал плечами, отходя от злого Сергея. Отец опустил сердце в целлофановый пакет, чтобы показать жене.

Прозрачная уха с запахом лаврового листа и петрушки, с огромными кусками вареного карпа была великолепна. Подоспела печень, пахнущая дымком, с лопающимися пузырьками жира на поверхности. Сергей наотрез отказался есть мясо кабана, он и пить не хотел. Но пил, скорее, по инерции. Подносились новые куски, целиком и свернутые рулетами на шипящих сковородках, источающих запах специй. Ели много. Ели долго.

Вечерело. Файтонс предложил Павлу Сергеевичу и сыну прогуляться. Он долго интересовался малым бизнесом, налогами, рассказывал об Америке, делающей в этих направлениях давным-давно успехи.

– У вас, – обратился он к Павлу Сергеевичу, – неограниченные возможности, огромное пространство в вашем ведении. Здесь, вдали от города, можно построить много предприятий, тем более, есть река.

– Например? – заинтересовался Тулин-старший.

– Подумайте, что для вас выгодно, а мы поможем современным оборудованием, специалистами. Если построить перерабатывающее предприятие, это будет обоюдовыгодный бизнес. Появятся рабочие места, что у вас сейчас проблема номер один, вы получите значительные доходы…

– А у себя не пробовали осуществить свой замысел? – задал резонный вопрос Сергей, он понял, к чему клонит гость.

– У нас слишком дорогая земля! У вас она пока никому не принадлежит…

– Народу, – возразил Сергей, а папа слегка дернулся, уловив иронию в интонации сына.

– Ваша земля стоит баснословно дешево, если же территория принадлежит городу, эта проблема вообще отпадает. А задача бизнеса – выйти на новый рынок, у нас есть что предложить. И потом, назовите производство, которого у нас нет.

– Назову. – Сергей завелся. – У вас нет предприятий по переработке и уничтожению ядовитых и радиоактивных отходов.

– Таких предприятий нет нигде, – засмеялся гость, – хотя ведется довольно интенсивная работа в этом направлении, и, уверяю вас, есть успехи. Согласитесь, пора человечеству научиться пускать в дело и эти отходы.

– Извините мое невежество, но я пока не слышал о подобных успехах.

– Господин Файтонс, – перехватил инициативу Павел Сергеевич, – ваше предложение заманчиво, но надо подождать, пока не завершится наш первый проект. Мы обязательно вернемся к сегодняшнему разговору, за это время узнаем друг друга как партнеры и подготовим свои предложения. Переведи! – строго бросил сыну.

– Хорошо, – согласился Файтонс. – Здесь замечательно. И великолепная была охота. Я не однажды бывал на сафари в Африке… никакого сравнения. Великолепный прием. Хочу вас пригласить к себе. Как вы на это смотрите?

– Это официальное приглашение? – спросил довольный отец.

– Конечно. Я приглашаю вас и вашего сына. Надеюсь, ваше пребывание у нас будет таким же увлекательным.

Отец удовлетворен: не успела завершиться первая сделка, на горизонте новые планы.

– Павел Сергеевич! – Все обернулись на голос Вадима. – Вы не видели Олега?

– Нет, а что?

– Вы только не волнуйтесь, но его нигде нет.

– Как – нет? – озадачился Павел Сергеевич.

– Его, кажется, никто не видел.

– Вадим, я с ним приехал, – сказал Сергей.

– Нет, я имею в виду, что его никто не видел после охоты.

– Почему ты мне сразу не сказал? – забеспокоился отец.

– Я сам только сейчас хватился. Все осмотрел и не нашел его, звонил – он вне доступа.

– Найдется, – успокоил отца и Вадима Сергей. – С такими никогда ничего не случается.

– Да, особых оснований для беспокойства нет, – согласился Вадим, – но все же… Надо поискать.

Панику поднимать не стали. Сергей и Вадим еще раз обыскали усадьбу, прошлись по берегу реки – увы. Без лишнего шума организовали более серьезные поиски. Сторож оседд-

лал лошадь и отправился по холмистому ландшафту, Вадим на микрогрузовике поехал по проезжим дорогам, а Сергей отозвал отца в сторону.

– Мы с тобой так редко разговариваем, что почту за честь… – удивился отец.

– Папа, это серьезно. Ты не понял, какое предложение хочет сделать эта жирная свинья?

– Благодаря этой жирной свинье, – вспылил отец, – ты в скором времени получишь тысячи долларов, кстати, не облагаемых налогами. Не надо, дорогой, плевать в корыто, из которого хлебаешь.

– Неужели ты не понял? Он покупает стратегическое сырье, значит, работает на военно-промышленный комплекс и сюда хочет перевезти дерьмо.

– Ты не расслышал. Он хочет построить совместное предприятие…

– Какое предприятие! Файтонс очень ясно высказал, чего хочет. Построит здесь ангар и сгрузит бочки с ядами.

– А мне плевать. Не соглашусь я, согласится другой, а мы упустим деньги. Только человек с нездоровым умом может отказаться от…

– Отец, – грубо прервал Сергей, – это тебе не контрабанда, здесь стоит вопрос о нашей жизни. А ты настолько невежествен, что продаешь и мою жизнь.

– Не смей! Не смей со мной так разговаривать! (Хорошо, никто не слышал, они были далеко.) Я для кого это делаю? Для тебя и твоей сестры. Никто не знает, что здесь будет через два-три года, а то и через год. Я хочу обеспечить вас на всю жизнь. И тороплюсь. Вы сможете жить в любой стране мира, а не трястись от страха, когда очередной мерзавец затеет новый переворот… Или разъяренная толпа кинется на тебя лишь потому, что у тебя есть квартира, машина и чуть больше денег. В этой стране живут только ублюдки, которым нужно одно: мяса и крови, а на закуску – водки. Я всю жизнь положил на теперешнее положение, а рухнуть все может в любой миг. В этой стране нельзя жить спокойно.

– Папа, жить я хочу здесь. Не в «этой стране», а там, где вырос. С твоими связями деньги можно добывать и безопасным путем.

– Но не так много и не так быстро, сын, – сдулся отец.

Стемнело. Вернулся сторож, приехал Вадим. На такой огромной территории вести поиски в темноте бесполезно, да и пора увозить людей в город. Вадиму приказали попарить американцев в бане, доставить в гостиницу, а утром отвезти в аэропорт. Сергею поручено отвезти Илью, Черемиса и Ирину на машине Олега.

– Главное, позвони Кагалину, – попросил отец. – Пусть организует бригаду без шума, только своих людей. Я остаюсь, буду ждать его. Ну, покажу я этому Олежеку, если найдется.

– Не переживай ты так. И гони его в три шеи. Слишком угодливый, слишком суетливый, слишком болтливый – такие не бывают надежными.

– Ты прав, Сережа, прав…

Остатки кабана и беспорядок оставили хозяевам охотничьей усадьбы, расселись по машинам и цепочкой тронулись к городу, на развилке каждая машина поехала своим путем. Сергей развез всех, а Ирину пригласил к себе. Увидев Филю, жмурившегося от электрического света, она ахнула:

– Какой красавец! Что за порода?

– Князь помойки.

– Удивительно. Чем ты его кормишь, что он у тебя такой огромный?

– Чем придется. Честно. Иногда покупаю кошачью еду, когда вспоминаю.

Увидев перед собой хозяина, Филя принялся орать, требуя еды. Ирина протянула руку погладить, но кот зашипел, выгнул колесом спину – руку пришлось отдернуть.

– Почему он такой дикий? – спросила Ира.

– Не любит женщин.

– В отличие от хозяина? – лукаво заявила она. Он молча притянул ее к себе. – Сергей, а куда подевался неугомонный… Олег, кажется?

– Да спит пьяный где-нибудь под кустом.

– У твоего отца был обеспокоенный вид, он нервничал…

– Вот пусть отец с ним и разбирается, Олежек давно напрашивался. Мы приехали сюда об Олеге говорить?

Она молча подставила губы, закрыв глаза. Здесь помешать некому, а Зося… смешно, но она не попрощалась. Глупенькая.

5. Труп – два и три…

Утром голова не гудела, не била мелкая дрожь, он на пути к здоровому образу жизни. Солнечные лучи пробивались сквозь шторы – на улице хорошая погода. Рядом спала красивая женщина… Это огорчало, ее надо будет чем-то занимать весь день, а чем? Дальше прогулок и сидения в баре дело не шло. Можно было вчера обойтись без Ирины, но в ее глазах стоял такой зов предков…

Вспомнил, что вчера день прошел не совсем благополучно. Надо позвонить отцу, узнать, как там. Стараясь не разбудить Ирину, он ушел в кухню. Филипп, завидев Сергея, начал бодаться и громко орать, необходимо было заткнуть его хотя бы куском колбасы. Неожиданно отец сам позвонил:

– Срочно приезжай, срочно!

– Куда?

– Домой! – Голос глухой и усталый.

– Что-нибудь серьезное случилось?

– Да.

Солнечный и теплый осенний день обычно радует, а у Сергея на душе скверно. Вел машину Олега (ее надо вернуть жене) и пытался вникнуть в случившееся. Мимо мелькали люди, множество людей. В пасмурный и дождливый день прохожих во много раз меньше, а тут, будто насекомые, выползли людишки на солнышко, снуют в заботах. О чем он думает, когда такое случилось!

«– Что-нибудь серьезное случилось?

– Да. Олег умер.

– Что?! Не может быть! Как?!

– Ты один?

– Нет. Как это произошло?»

Невозможно. Сергей искал логику: как такое могло случиться? И с кем?! Еще вчера утром Олег производил впечатление человека, собирающегося жить долго. А Сергей его обидел… Вдруг это была последняя капля, после чего тот вышел из-под собственного контроля? А если он хорошо скрывался под маской болтуна? Что Сергей о нем знает? Что Олег учился на твердую тройку, после школы пошел ишачить (его слова) на завод, быстро смекнул: работа дураков любит. Стал заниматься общественной нагрузкой, и успешно. На вечеринке лидеров молодежного движения переспал с будущей женой и женился на ней по «благородному побуждению». А какое побуждение может быть, если ее папа глава банка? После женитьбы получил место в административном сегменте, пристроился в коммерческий институт, Олег стремился вышку получить, а ведь дурак дураком. Что еще? Любил выпить. Ну, по бабам бегал, жену поколачивал, за что получал от мэра. Да он же парень из народа, простой, как хозяйственное мыло, потому и прикладывал бывший рабочий кулак к скуластому личику своей старушки (она старше на девять лет). Жена жаловалась отцу Сергея, тот делал соответствующее вливание, а Олег просил прощения у… Павла Сергеевича. Не мог такой везунчик расстаться с горячо любимой жизнью. Тогда почему?

Проезжая мимо троллейбусной остановки, Сергей затормозил.

– Степан Андреевич! Садитесь, подвезу вас.

Постарел педагог, пообносился. В одной руке авоська с картошкой, в другой – закрытая сумка. Сначала старик не узнал его, недоуменно смотрел, силился вспомнить, кто перед ним.

Сергей вышел из машины помочь ему донести тяжести. Старик отступил, отводя руки с поклажей назад, защищая телом свое добро.

– Я Тулин Сергей. Поедемте, а то у меня мало времени.

– Сережа! – обрадовался тот. – Я тебя не узнал. Извини. Здесь чисто… а у меня картошка…

– Ничего, не смущайтесь. Ремень накиньте.

– Давно не видел тебя. Как живешь?

– Нормально.

– Достойный ответ современного человека. Нормально! Это ненормально. Скоро наш язык уменьшится до сотни слов, общаться будем жестами и звуками.

– Вы такой же ворчун, – рассмеялся Сергей. – Ну что у меня может быть особенного? Работа и работа.

– Слышал, ты часто бываешь за границей…

– Далеко не часто. Вы-то как? На пенсии?

– Что ты! Работаю. Там же, в школе. Трясусь от страха, что выгонят. Знаешь, не мыслю себя без школы. Многое мне не нравится, но уйти – значит обречь себя на пустоту.

Старость. Нет в ней ничего хорошего. Кости, обтянутые сморщенной кожей, землистый цвет, ухо с торчащими волосками (наверное, потому и говорят – мхом порос), руки с коричневыми пятнами и сильно вздутыми жилами.

– Женат? – спросил учитель, Сергей отрицательно качнул головой. – Зря. В жизни есть по-настоящему одна радость: семья, а внуки – счастье. Помнишь, каким ты был паршивым мальчишкой, а?

Сергей засмеялся. Степан Андреевич единственный, кому он рад за последнее время. Доставалось же Сергею от учителя, которого интересовали знания учеников, а не их родители и подарки.

– Я до сих пор помню все даты по вашей системе.

– Приятно слышать, – оживился тот. – Написал я, Сережа, работу, нечто вроде пособия по хронологии. По моей системе даты запоминаются легко, а исторические события укладываются в закономерную цепочку и остаются в памяти на долгие годы. Зная историю, человек легче ориентируется в современных событиях. Оказалось, никому не нужно. Не та история у меня. А! – махнул он безнадежно рукой.

– Не огорчайтесь. Мы с вами не можем переделать мир.

– Заблуждаешься, Сережа. Можем. Каждый на своем месте.

Из уст старого учителя сказанные слова звучали очень просто, да и жить для него именно так – тоже просто. Сергей позавидовал ему. Старик не испытывал потребности сменить старомодный с засаленным воротником плащ на костюм за тысячу баксов. Ему достаточно жареной картошки с чайком – он будет сыт, а Сергею нужна водка астрономической стоимости да бутерброд с икрой на закуску. Он всю жизнь проходил пешком, считая прогулки на свежем воздухе полезным занятием, Сергей меняет личный транспорт как перчатки, не испытывая при этом радости.

– И один в поле воин, Сережа…

«– Олег умер.

– Что?! Не может быть! Как?

– Ты один?

– Нет. Как это произошло?

– Самоубийство. Приезжай, срочно приезжай! Слышишь?»

– …найти предназначение, дело, которое можешь сделать только ты, но обязательно с любовью…

«Бедный отец, – думал Сергей. – Этот козел не мог выбрать другое место и время. На охоте первых людей – суицид. Неблагодарная свинья!»

– Вы, Степан Андреевич, идеалист.

– Ошибаешься. Все, кто слепо следует идее, люди недалекие…

«– Куда ты? – спросила Ирина, проснувшись и глядя на торопливо одевающегося Сергея.

– Срочно надо к отцу. С Олегом неладное.

– Вернешься скоро? – Ира вновь закрыла сонные глаза.

– Не знаю. Ты тут отдыхай, а я поехал».

– …как правило, не выносят другой точки зрения, что делает их ограниченными. Сколько наломали дров на поприще борьбы за идею? А сколько перечеркнуто жизней во имя идей, не стоящих и гроша? Нет, я не идеалист, я всего лишь хочу, чтобы человечество помнило, что существует на протяжении тысячелетий, люди выработали правила, называемые культурой, этим правилам должно, необходимо следовать, иначе обратный процесс приведет к динозаврам.

– Вы, Степан Андреевич, не просто историк, вы философ.

– Иронизируешь.

– Восхищаюсь. – Сергей сказал правду.

– В восемьдесят три (Сергей присвистнул) можно и пофилософствовать. Да, стар стал, болтлив. Знаешь, меня в школе всем гостям и комиссиям показывают как реликтовую форму народного образования. Я не возражаю, даже горжусь, что сохранил ясность ума и бодрость духа. Мы приехали.

Сергей помог донести его поклажу на третий этаж. Не хотелось расставаться с бывшим учителем, не хотелось ехать к отцу. Подробности смерти Олега пугали, потому и дал крюк, лишь бы оттянуть время.

– Зайдешь? – предложил старик. – У меня ничего такого нет, но чай и жареную картошку (как точно угадал Сергей) могу предложить в неограниченном количестве. Живу я один.

– Спасибо, не могу. Рад был встрече.

– Постой, Сережа. Помнишь Наташу Резцову? Ты с ней дружил…

– Конечно, помню. Иногда вижусь с ней.

– Похоронили. Ее убили. Страшная смерть – ножом по горлу. Говорят, в городе маньяк орудует. Молодая, красивая… не надо было ей работать в варьете. Говорят, наркотиками увлекалась.

– Я не знал… – обомлел Сергей. – Когда это случилось?

– Дней десять назад, кажется, точно не знаю.

– Я… я очень сожалею…

– Да, несправедливо. К динозаврам катимся. Ну, до свиданья. Заходи.

Сергей медленно спускался по лестнице, держась за перила, ноги не слушались. Наташка… На протяжении многих лет она была ему другом, но вспоминал о ней Сергей в моменты депрессии. Она являлась теми ушами, в которые можно влить горечь, обиду, негодование, не стесняясь в выражениях. Умела слушать. Брала папироску с травкой, курила, потом одной фразой успокаивала, с ней он становился самим собой, и она принимала его таким, не требуя большего. Наташка…

Дверь открыла мать Сергея – миловидная, энергичная женщина, выглядевшая моложе своих лет. Преданная семье, она не забывала о себе, любила хорошо одеться, сделать прическу

и маникюр, неплохо водила машину, и… сама чистила кастрюли, мыла полы и делала всю каторжную работу по дому, не признавая домработниц. Павел Сергеевич любил и уважал ее, считался с мнением жены, прислушивался к советам. Поцеловав сына, Надежда Михайловна запричитала:

– Какое несчастье с Олегом! Милый, жизнерадостный человек, и вдруг… Проходи в зал (залом она называла гостиную, что являлось пережитком деревенского воспитания), тебя ждет папа и Василий Алексеевич.

Оба сидели в мягких креслах расслабленные, на небольшом столике стояла еда, приготовленная наскоро, пахло кофе.

– Долго же ты добирался, – упрекнул отец, не глядя в сторону сына.

– Так получилось.

– Ну, садись, садись.

Кагалин – друг отца с детских лет, почти родственник, так как крепкая дружба на протяжении сорока пяти лет перерастает в более сильное качество. Он с напряженным вниманием изучал Сергея, покусывая усы. Что-то нехорошее веяло от них. Сергей молча сел на край дивана, переводя взгляд с одного на другого, немая сцена надоела:

– Ну? И что вы молчите?

– Олега убили. – Отец захрустел фалангами пальцев.

– Как?! Ты же сказал, он сам…

– Нет, не сам. Его убили. – Отец тер небритый подбородок и вдруг взорвался: – А что я должен был сказать? По телефону! У тебя же кто-то был! Да, убит, убит…

– Спокойно, – остудил его Кагалин. – Сережа, у нас к тебе несколько вопросов. Ты можешь рассказать, что делал до прихода охотников?

– Могу. – Сергей недоумевал. – Слонялся… Воздухом дышал…

– А подробнее?

Сергей пожал плечами и рассказал:

– Заняться было нечем… Я пошел к реке. Долго бродил по берегу, сидел на бревне… ну, вы знаете, это сваленное дерево. Потом там же заснул. Меня разбудила Ирина, переводчица, она…

– …не занималась своими обязанностями, благодаря тебе, – вставил отец.

– И все? – спросил Кагалин, не обращая внимания на вставку.

– Нет. Потом смотрел, как Зося ездит на лошади, дрова рубил…

– Да? Ты дрова умеешь рубить? – иронично удивился отец.

– Все время ты был на глазах? – продолжил допрос Кагалин.

– На каких глазах? Не понимаю, чего вы хотите?

– Все это время тебя видели? Или нет?

– Я не… Вы же знаете, дерево из усадьбы не видно. А что?

– Сколько времени ты спал?

– Откуда мне знать! Я не смотрел на часы. – Сергей занервничал. – И при чем тут я? Спал – не спал… Я при чем?

– Подтвердить все, что ты сказал, могут?

– Да… Наверное… Не знаю… Да в чем дело?

Кагалин задумался, после сделал жест ладонью отцу, мол, твоя очередь, тот набрал полную грудь воздуха… Создалось впечатление, что ему невероятно тяжело говорить, но, собравшись с силами, отец спросил:

– Сергей, где твое ружье?

Задрожали руки, Сергей сжал их в кулаки и сунул в карманы брюк. Страшное предположение… Он опустил голову:

– Не знаю.

– А почему ты не знаешь, где находится твое ружье? – закричал отец.

В дверях показалась мама, Павел Сергеевич махнул ей рукой, она ретировалась, плотно прикрыв дверь. Мужчины ждали ответа.

– Пропало.

– Почему не заявил? Как только пропало? – добивался непонятно чего отец, у него дергался глаз.

– Я обнаружил пропажу только вчера, собираясь на охоту. Подумал, что забыл его прошлый раз, а когда приехал, не было повода вспомнить.

– Забыл… подумал… не вспомнил… Знаешь, Сергей, у меня нет слов. Твоя глупость и беспечность… А!

Павел Сергеевич в сердцах ударил ладонями по коленям, вскочил и отошел к окну. Кагалин подошел к нему и, похлопывая по плечу, сказал Сергею:

– Понимаешь, Сережа, Олег убит из твоего ружья.

Вот и все. Очень просто сказано, но совсем непросто это понять. Отсюда допрос: где был, что делал… Стоп, стоп… Значит, подозревают его, Сергея? Чушь какая! Зачем ему убивать этого придурка? И отец мог подумать!.. Тревога, тревога сжимала сердце до боли.

– Это не я… – прошептал Сергей, подняв беспомощно-беспокойные глаза на Василия Алексеевича. Сейчас только он мог помочь.

– Мы знаем, – успокоил его тот и присел на диван. – Но мы – это еще не все. Как думаешь, кто из твоих знакомых ненавидит тебя?

Сергей сосредоточился: кто? Память с компьютерной точностью выдавала лица, события. Не любили его многие, это уж точно. Если он сам испытывал к большинству окружающих неприязнь, то неужели они могут относиться к нему иначе? Нет. Мы все ощущаем подсознанием и за нелюбовь платим нелюбовью. Но ненавидеть до такой степени…

– Думаете, меня специально подставили? – спросил он.

– Я пока ничего не думаю, – ответил Кагалин. – Для убийства должны быть причины, у кого-то они были. Но при этом убийца взял именно твое ружье, застрелил Олега и бросил его рядом с ним. Бросил, указывая на тебя. Так что думай, Сергей, думай.

Он думал. Огромные старинные часы в углу отстукивали маятником время: минута прожита, еще одна… Сколько их вообще осталось? Пришло время задуматься о себе. Жил, казалось, никому не мешая… Выходит, мешал. Кому понадобилось выкрасть сначала, потом сделать выстрел в человека, бросить рядом ружье, старое ружье, с инкрустацией… При чем здесь инкрустация? Убит человек, а подумать все должны на Сергея! Что же он сделал не так? За что? Сам себе и ответил:

– Не знаю…

– Это могли сделать и мои враги, – предположил отец. – У меня их более чем достаточно.

– Могли, – согласился Кагалин. – Странно как-то… и нагло. Мы-то знаем с отцом: ты не способен, но для остальных… У нас как рассуждают? Сын мэра, все можно, покроют, ничего не будет за убийство, распустились. Если подробности, не дай бог, просочатся… а у тебя нет стопроцентного алиби.

– Почему? Все подтвердят, что я был…

– …каждую минуту на глазах? (Сергей молчал.) Видишь? Нет алиби, нет. Да, очень хочется кому-то напакостить тебе, или твоему отцу, или вам обоим.

– Что же делать? – спросил павший духом Сергей.

– Быть осмотрительным.

– Где вы его нашли?

– На берегу. Не буду вдаваться в подробности поисков, все было безрезультатно. Не там искали. Домой он не вернулся, мы проверили. Снова мои орлы отправились по маршруту охотников, а я взял лошадь и поехал по берегу. Наездник я хреновый, короче, ехал шагом. Пешком

прошел бы мимо. А тут смотрю – лежит трухлявое бревно, из-за него рука видна. Так и нашел. Убит наповал, страшное дело. Впечатление такое, будто Олег специально пошел к реке, вошел в воду, следы ведут туда, вышел на берег, повернулся к реке лицом и получил выстрел в грудь. Чертовщина какая-то.

– Может, аквалангист? – строил догадки и отец.

– Откуда? – фыркнул Кагалин. – Вот лодка… м-да. Но на много километров в одну и другую сторону нет ни одного причала. Ребята проверяют хозяев одиночных лодок и тех, кто брал их в городе. Мои орлы заметили, что Олег нес к реке тяжесть. Отпечатки сапог, ведущих в реку, намного глубже, чем из нее. Вот так. Хорошо, что я нашел труп, иначе… туго пришлось бы. Теперь главное. Ружье Олега я спрятал. Кроме нас троих об этом никто не знает. А твое оставил с ним.

– Зачем? – похолодел Сергей.

– Думаешь, сложно определить, из какого ружья сделан выстрел? Твое ружье зарегистрировано. У нас один выход: выдать смерть за самоубийство.

– Это возможно? – У Сергея появилась надежда.

– Основное заключение дает патологоанатом, хотя невооруженным глазом видно: убийство. Я попробую уладить, у меня там один врач на крючке, думаю, договоримся. Теперь, Сережа, вот что. Когда вызовут тебя, говори одно: ты не пошел на охоту, поэтому одолжил ружье, так как Олег свое забыл дома. Понял?

– Да.

– Постарайся вспомнить, когда пользовался ружьем последний раз, где его оставил, при каких обстоятельствах и кто был рядом. Это важно. Параллельно будет вестись частное расследование. У меня есть толковый парень, фанат, его координаты я оставил, чуть что – звони ему. Человек он независимый, фамилия Бакшаров. Его не испугаешь, не подкупишь, уголовники даже уважают. Мы с отцом составили список всех, кто присутствовал на охоте, а ты вспомни, с кем у Олега были натянутые отношения, здесь важной может оказаться любая деталь. А теперь надо поехать за ружьем Олега и выбросить его подальше от того места, где он убит, обязательно в реку.

– Я не смогу вести машину… – едва выговорил Сергей.

– Что ж, Павел, нам придется самим избавиться от ружья. Едем?

– Папа, я приехал на машине Олега. Позвони, пусть ее перегонят.

– Хорошо, – ответил Павел Сергеевич. – Вася, может, ему уехать?

– Не вижу смысла. Главное – найти убийцу, иначе смерть Олега все равно ляжет на ваши плечи. Ты дашь гарантию, что подобного не повторится? Задача Сергея – жить как жил, не вызывая подозрений у настоящего убийцы. Он обязательно сделает ошибку, мы это поймем, ведь он находится рядом с вами. А пока берите на заметку всех, кто станет интересоваться Олегом. Наблюдайте. Павел, собирайся, от ружья избавиться нужно сегодня.

Сергей ехал в трамвае подавленный, складывая в уме: Лора… Наташка… Олег… Случайность? Если нет, то какая между ними связь?

Лора… Наташка… Олег… Кто убил? Перебирал знакомых по очереди, подозревал всех и никого. Если это одних рук дело, тогда должно что-то всех троих объединять. Но что?

Лора и Олег были слегка знакомы, Наташку общество Сергея не интересовало, но она первая. Лора вторая, Олег… В течение десяти дней. Связи не находил, кроме одной: всех троих он хорошо знал.

Олега убили на охоте… Неужели кто-то из отцовского окружения? Где искать логику? Может, стоило рассказать о девушках дяде Васе? Мол, вчера из моего ружья убит Олег, а на неделе зарезаны две мои знакомые, но я к этому не имею отношения. Так, что ли? Он сам

поверил бы? А если это действительно роковая случайность? Хорошо бы так… Зачем тогда паниковать?

Привыкшему ездить на своих колесах даже в булочную Сергею было неуютно в переполненном трамвае, где со всех сторон давили тела, в нос шибали чуждые запахи. Утрамбовываясь до стояния на одной ноге, он увидел сквозь букет белых хризантем в руках пожилой женщины знакомые разрез глаз и разлет бровей, а изумрудный цвет глаз может быть только у одной женщины в мире. Сергей так и эдак пытался найти ракурс, чтобы увидеть лицо, но то голова мешала, то рука, то плечо. С трудом он протиснулся ближе и… его обдало горячей волной. Не может быть!

Она стояла на нижней ступеньке, повернула голову, и… произошла встреча. Вернее, никакой встречи. Она просто остановила взгляд на Сергее, как на незнакомце, постороннем, чужом… Он заработал локтями, пробираясь к ней, не верилось, что это Вера.

Остановка. Равнодушно глядя на него, она соскочила с подножки и стремительно уходила. Сергей активно протискивался сквозь толпу. Поднялся шум, ибо кого-то толкнул, кому-то наступил на ногу… но он не мог упустить ее.

Закрылась дверь! Сергей отчаянно закричал водителю, что не вышел, двери трамвая раздвинулись, и он, приложив еще некоторые усилия, спрыгнул на тротуар, порядочно вспотев и лихорадочно оглядываясь. Веры и след простыл. Сергей метался по улице, заглядывая в каждый магазин, забегая за углы домов… Напрасно. Выбившись из сил и потеряв надежду, сел на скамью среди гаснущих осенних кустарников, закурил, глубоко затягиваясь. Вера…

А она стояла совсем близко, за оградой из железных прутьев, прячась за желтыми кустами, напротив сидящего Сергея. Она видела его метания.

Оба мысленно вернулись назад…

6. Сентиментальный вихрь

Перед Новым годом начинается не жизнь, а лихорадка. Люди с хищными глазами рыщут по магазинам и рынкам с одним намерением: дешевле и побольше. Елка в одной руке, сумка, доверху набитая, в другой – обычный человек в это время, неверно ступающий по скользким дорожкам. А зима в том году выдалась крутая.

Сергей забрел в супермаркет купить сувениры, ничего удобоваримого не подобрал и решил удалиться из утопающего в хламе магазина. Спускаясь по лестнице, вертел головой, оглядывая прилавки внизу в надежде все же увидеть хоть что-то стоящее. Нечаянно столкнулся с девушкой – она поднималась наверх, обнимая пакет, набитый свертками, который выскользнул из рук, а свертки запрыгали вниз по лестнице. Да и она, взмахнув руками, как птица на взлете, чуть было не отправилась туда же, если бы не Сергей. Он схватил ее за шубку и потянул на себя.

– Смотреть же надо! – сказала она, высвобождаясь.

Он помог собрать уже не такие чистенькие после мокро-грязного пола свертки и, укладывая их назад в пакет, заглянул в лицо. «Моя», – сверкнуло в голове.

– Ради бога, извините, – приложил ладонь к сердцу.

Девушка, сосредоточенно сдвинув брови, перебирая грязные пакеты, в ответ отмахнулась и чуть не плакала. Он нашел выход для нее и себя:

– Дайте-ка сюда. Идите за мной!

Забрав пакет, Сергей направился в подарочный отдел, она, конечно же, покорно поплелась за ним. Поставив на прилавок пакет, он попросил продавщицу:

– Перепакуйте, пожалуйста.

Пальцы продавщицы быстро проделывали манипуляции с бумагой и булавками, а сама она изредка поглядывала на интересного мужчину, поворачивая лицо таким образом, чтобы он мог видеть длину ее ресниц. Ресницы были неправдоподобной длины. Но Сергей больше косился на безучастно стоящую рядом девушку.

– И кому же так повезло? – спросил он, глядя, как в красивую бумагу заворачивается ерунда. – Кто получит эти дары?

– Никто. Это призы на новогодний вечер, – ответила она.

Сергей расплатился и, невзирая на возражения, пакет с призами не отдал, предложив:

– Позвольте еще загладить вину и подвезти вас? (Она, потупившись, раздумывала.) Вы все купили? (Она кивнула.) Тогда идемте.

Он подхватил под руку растерянную девушку и увлек к выходу, отметив про себя, что поднималась-то она на второй этаж, значит, не все куплено. Отсюда вывод: девушка в отпаде от него! Тут главное – действовать решительно. Но у машины она запротестовала: ей недалеко, сама дойдет, в общем, опомнилась. Тогда он почти насильно усадил ее в автомобиль и, включив зажигание, спросил:

– Куда?

– К проектному бюро на Репина.

Действительно рядом. Потому и ехал со скоростью «еле-еле». А что? Скользко ведь.

– Почему вы без шапки, холодно же? – поинтересовался, видя, как девушка, подняв воротник кроличьей шубки, крашенной в черный цвет, прятала нос.

– Вы тоже без шапки.

– Я другое дело, я на колесах.

– А у меня шапку сняли.

– Как так?

Она повернулась к нему и, почему-то улыбаясь, рассказала:

– Я возвращалась домой поздно, мимо пробегали два парня, один снял шапку и – все. Да не жалко, шапка старая, в переулке было темно, они не видели, что крали. Вот, наверное, расстроились… Но хоть по голове не стукнули, и на том спасибо. Остановите, мы приехали.

Не успела машина стать как следует, девушка выпорхнула из нее и была такова. Сергей рот открыл от неожиданности. Обидно же! Он настроил кучу планов, а она… «Моя», – пикало в подсознании. И так будет!

Он двинул за ней, в холле обратился к вахтерше, двигающей спицами:

– Сюда только что вошла девушка, она забыла в моей машине сверток. Как ее найти? (Старуха бесцеремонно рассматривала Сергея, аж челюсть выдвинула вперед.) Я могу пройти? У вас здесь не секретное агентство?

– Не-а, – вымолвила бабка. – То Верка, она пробегала. Та ты иди. Третий этаж, сразу направо. Кабинет 37.

«Вера… Имя старомодное, но в этом что-то есть», – думал Сергей, поднимаясь по лестнице.

В кабинете ее не оказалось, ему подсказали пройти в красный уголок. Дверь была настежь открыта, у стола стояла Вера и прикалывала записки к уже знакомым сверткам. Он остановился на пороге, с интересом разглядывая убогость красного уголка, сохранившего признаки совдепии. На маленьком подобии сцены высилась кондовая полированная трибуна, там же находился «президиумный» стол. Стулья, какие можно встретить в захудалых сельских клубах, выстроились у стен, а в углу у противоположной стены, словно ненужный атрибут, стояла небольшая сосна, опутанная гирляндой из лампочек. Несколько человек готовили зал к празднику.

Вера, в джинсах и рубашке, казалась очень хрупкой, Сергей рассматривал ее с пристрастием ювелира снизу вверх. Остался доволен. Отвечая толстой тетке, она повернула голову на длинной шее к двери и ее брови поехали вверх. Инстинктивно рука убрала неаккуратно свисающую прядь, выбившуюся из-под заколотых волос. Смущаясь, Вера подошла к нему и, поскольку он молча смотрел ей прямо в глаза и вдобавок улыбался, вынуждена была заговорить:

– Вы ко мне?

Сергей многозначительно кивнул – мужчина должен больше молчать. Не зная вкусов новой избранницы, ее можно отпугнуть болтливостью.

– Что вам?

Ее интонация с долей насмешки подсказала Сергею, перестроиться на другую волну, попроще:

– Вы забыли у меня сверток.

– Ну, так давайте его.

– Он в машине. (Вера понимающе закачала головой.) Нет, правда. Не верите? Хорошо! Вы скоро освободитесь? Жду вас в машине, вы получите свой сверток. У меня больное сердце, бегать по этажам туда-сюда не могу. А вы не задерживайтесь тут.

И пошел по коридору легкой походкой самого здорового человека в мире. Вера появилась через полчаса, открыла дверцу машины и сразу:

– Давайте мой сверток?

Ну и девушка! Тараном надо брать такую.

– Скорее садитесь и закройте дверь, – напустился на нее Сергей. – Вы меня совсем заморозить хотите? Битый час вас жду. Какой у вас адрес?

– Гоголя десять, ква… А зачем?

– Отвезу. На улице мороз, вы без головного убора.

И чтобы не дать ей опомниться, мягко тронул машину с места.

– Где мой…

– Получите вы свой сверток, чего переживать так?

– Эти призы не мои, а профкома, я подотчетное лицо, и мне…

– Знаете, Вера, я так замерз, – сказал он очень просто, без игры, – мне необходимо согреться. Составите компанию? Я приглашаю вас поужинать.

Она остолбенела: откуда он знает ее имя? Цепкий.

– А если я замужем?

– Вы не замужем.

– Откуда вам знать?

– Я – ведьмак. Ну, так как? Обещаю, ничего плохого с вами не случится, просто посидим в уютном и теплом клубе. Пожалуйста.

И сделал выражение лица, как у собаки, Вера рассмеялась и согласилась. Поблизости находились: клуб «Охотник» – нормальное место для знакомства. В «Россо» ехать не рискнул, еще напугают девушку его подчиненные…

* * *

Сергей курил одну сигарету за другой. Стоило ему поднять голову и посмотреть прямо перед собой, он увидел бы ее. Рядом присела старушка, достав из грязного целлофанового пакета мокрый хлеб, бросала горстями на тротуар. Сначала подлетел воробей, осторожно клюнул крошки, подхватил небольшой кусок и упорхнул. Пара голубей прилетела, перебирая лапками, они ходили вокруг, не решаясь приблизиться к еде.

Облокотившись о стену дома, Вера ждала, когда уйдет Сергей…

В «Охотнике» посетителей было мало, они заняли столик у камина с живым огнем. Вера оглядывала зал с атрибутами охоты, картины и гобелены в рамках под старину, чучело головы оленя, рога лося… Официант сунул ей в руки меню.

– Мое имя вы знаете, а вас как зовут? – спросила, раскрывая папку.

– Сергей.

Ее глаза округлились, она присвистнула:

– Вот это цены! Ничего себе! Так как, вы сказали, вас зовут?

– Сергей. Не обращайте внимания на цены, выбирайте.

– Я ничего не хочу, – выпалила она, захлопнув меню.

Пришлось ему заказывать, опираясь на свой вкус. А раз он настроился на долгий вечерок в обществе славной девушки, заказал коньяк, потом спросил:

– Шампанского выпьете?

Она, приоткрыв папку с меню, заявила официанту:

– Нет. Я не пью. Особенно шампанское.

Тот ехидно усмехнулся, но, поймав уничтожающий взгляд Сергея, мимику сменил и испарился. Вера смотрела на огонь, на ее лице забавно играли блики, отражаясь в зрачках, вспыхивали в волосах. Она все больше притягивала. Не манерничала, не кокетничала, глупо не смеялась по всякому поводу и без, чего в женщинах он терпеть не мог. Но и к нему особой заинтересованности не проявляла. То ли привыкла к вниманию мужчин и принимала ухаживания как должное, то ли холодная, как Ледовитый океан…

– Теперь понятно, почему здесь пусто, – заключила она.

– Вам не нравится здесь?

– Не знаю… Нравится… Я вообще-то не люблю рестораны.

– Почему? Кстати, это клуб.

– Ощущаю себя неловко… А чем отличается ресторан от клуба?

– В клуб вступают по интересам, платят взносы, приходят пообщаться.

– Понятно, суммой. Здесь она больше.

– От шампанского вы отказались, попробуйте коньяк.

Она пожала плечами, мол, наливай. Чокнулись, Вера пригубила рюмку. Аромат и вкус ей понравились, она повернула к себе бутылку, рассматривая этикетку, спокойно выпила все. Теперь настала очередь Сергея округлить глаза.

– Вера, осторожно, этот напиток пьется легко, а последствия могут оказаться самые неожиданные, особенно для непьющих.

– Кто вам сказал, что я не пью? Я шампанское не пью, а все остальное очень даже пью.

– Вы лучше ешьте.

– Я же сказала: не хочу.

– Вы совсем несерьезная. Поверьте, мы не последний рубль просиживаем…

Понимал, что хвастал, отчего показался себе же дураком.

– Вы крутой?

– А… И крутых вы не любите, – догадался он.

– Не люблю. Наливайте. (Понимала, что ведет себя глупо, но понесло.)

Постепенно ему удалось разговорить подвыпившую девушку, так выяснил, что живет она с мамой. Отец работал энергетиком, заболел лейкемией, врачи посоветовали сменить климат. Десять лет назад они перебрались сюда, через некоторое время отец умер, мать и Вера остались жить в городе, не имея ни родственников, ни друзей. За годы у Веры, конечно, появились друзья, но очень мало: учеба и мать-сердечница не позволяли тратить много времени на себя.

– У вас никогда не было друга? – выпытывал Сергей.

– Почему? Все как у всех, – врала Вера.

Ее порядочно развезло, короче, пить она не умела совершенно. Следовало увозить барышню домой, так как она клевала носом, жесты ее стали крупнее, чем полагалось, Сергей попросил счет. Услышав сумму, Вера возмутилась:

– Сколько, сколько?! Грабеж!

Его забавляла непосредственная реакция и состояние опьянения Веры, напилась, видимо, впервые в жизни, но держалась стойко. Правда, хватило стойкости лишь до машины дойти, а там окончательно развезло, да так, что слова произносила с трудом. Домой ехать отказалась наотрез:

– В таком виде? Мама инфаРКТ, – тщательно выговаривала Вера последние буквы, – получиТ. Везите к Лиде. Ой, у меня все плывеТ.

– Где живет Лида?

– Там, – махнула Вера рукой на лобовое стекло, отвернулась от Сергея и положила голову на спинку сиденья.

Он попал в затруднение: куда же ее везти? Гоголя, десять, – квартиры не знал. Исследование сумочки ничего не дало. Ходить по квартирам дома и спрашивать, где живет девушка по имени Вера с неизвестной фамилией – вряд ли ей потом придется по душе эта идея. Ну и самое скверное – что будет с мамой, когда он передаст ей, буквально из рук в руки, пьяную дочь. Делать нечего, повез к себе. В полусонном состоянии внес Веру в квартиру.

– Мне плохо, – стонала она. – Поставьте меня на место… Ой, все кружится… Как мне плохо…

Нужны были срочные меры по отрезвлению. Сергей решительно вытряс ее из шубки, усадил в кресло и переоделся. Тем временем Вера свернулась в рулон и стонала. Сергей принялся стаскивать с нее одежду, она напоминала резиновый манекен, с тем отличием, что имела голос, периодически подаваемый:

– Отстаньте от меня. Не теребите… Меня тошнит. Вы ужасный человек… Что вы делаете?.. Как не стыдно!.. Не смейте… Ой, тошнит…

– Закусывать надо больше, а пить меньше. Теперь в душ.

Полумертвое тело он взвалил на плечо и отнес в ванную. Как только Сергей поставил ее на ноги, Вера опустилась на пол и, положив голову на край унитаза, приговаривала:

– Боже мой, как мне плохо… Больше никогда, никогда…

– …пить не будешь, – закончил Сергей.

– Да. Уйди.

– Вера, детка, меня можешь не стесняться, я и не такое видел. Ну-ка, два пальца в рот и вперед. Тебе помочь?

– Не хочу. Уйди… пожалуйста… Ой, как плохо.

Сергей удовлетворил просьбу. Через некоторое время послышались рвотные звуки, еще через некоторое время – тишина. Сергей позвал ее, в ответ – молчание, он решился заглянуть в ванную, приоткрыл дверь. Она сидела на полу в самой несчастной позе, поставив локти на унитаз и обхватив голову. Сергей подавил смех и осведомился:

– Поблевала? (Она вяло кивнула.) Молодец. Теперь душ.

Ледяная вода обожгла ее, Вера с неожиданной прытью рванула из ванной. Не тут-то было. Сергей вернул ее назад и в дальнейшем крепко держал. Переключил на горячую.

– С ума сошел! Ты меня сваришь. Аааа!.. (Холодная.) Пусти меня, я не хочу!

Холодная до тех пор, пока у Веры не посинели губы и не застучали зубы. Косметика размазалась, стекала темными потеками по лицу и шее.

Горячая. Вера поняла, что из цепких рук ей не вырваться, тогда она села на дно ванны, обхватив колени руками, бросив ему:

– Садист!

Холодная. Вера всхлипывала. Сергей, включив горячую воду, быстро с мылом вымыл ей лицо и последний раз полил ледяной водой.

– Тошнит? – спросил.

– Н-н-нет, – отстучала она зубами.

– Вставай, – приказал он, выключив воду. Вера повиновалась. – Повернись ко мне спиной.

Быстро снял мокрое белье, напялил на нее махровый халат и отнес в спальню на кресло. Пока Сергей стелил постель, Вера заснула, а он устало сел на пол. Без косметики ее лицо показалось совсем детским из-за капризно оттопыренной нижней губы, которую он тронул пальцем. Вера только кисло сморщилась, продолжая спать, он перенес ее на кровать. Где же спать ему? Конечно, в каждой комнате есть диван, но… хулиганская мысль явилась. Сергей рассмеялся, стащил с себя мокрую одежду (из-за антиалкогольной терапии сам вымок) и улегся рядом с Верой.

Бесшумно на кровать прыгнул кот. Бедный Филя носа не показывал, испугавшись воплей, он устроился в ногах хозяина. Неандертальским характером Сергей не отличался, ему в голову не пришло делать поползновения на бесчувственное тело.

– Моя, вопрос только времени, – сказал он вслух, повернулся к ней спиной и заснул сном праведника… Как давно это было.

К рассыпанным крошкам прилетело еще несколько голубей, они дружно клевали, к великой радости старушки. Тепло одетый карапуз погнался за птицами, разогнал. Старушка и малышу радовалась, который присел на корточки и трогал пухлым пальчиком еду птиц. Бдительная мамаша вмиг очутилась рядом, принялась отряхивать чадо, обрушив на него поток слов, из которых Сергей ясно понял одно – слово «нельзя».

На протяжении всей жизни нас сопровождает это слово. В детстве «нельзя» – поводырь, назойливый раздражитель, контролирующий каждый шаг. Но контроль и запреты – всего лишь барьер, который ребенок учится преодолевать тоже с первых шагов. Нельзя есть много сладкого? А потихоньку, чтоб никто не видел, – можно. Так маленький человек впер-

вые делает кражу. Нельзя смотреть взрослые фильмы, но так хочется, можно сделать вид, что уснул, и смотри себе на здоровье в дверную щель. Так он учится подглядывать. Нельзя долго гулять на улице, можно прикинуться глухим, не отвечать на зов родителей, потом сказать, что не слышал зова. Так человек приучается к обману. Многочисленные «нельзя» человек успешно учится обходить, учится сначала самостоятельно, потом с помощью приятелей, а приобретя практику и опыт, становится «совершенством природы», и ему по плечу уже самые коварные и подлые планы, которые тоже осуществлять нельзя, но, если очень хочется, – можно. А мы удивляемся, откуда он такой? Может, оттуда, из бессознательного детства, когда родители недоглядели, бабушки недообъяснили, учителя недоучили.

Сергей подставил лицо слабому солнечному теплу. Что-то он сделал в жизни не так, по принципу «можно», когда надо было сказать себе «нельзя».

А Вера опаздывала. Выйти из убежища не решалась, ее путь лежал мимо Сергея, сталкиваться с ним она не желала. Они так и остались каждый на своем месте, припоминая подробности из прошлого, объединяющего обоих и разъединившего их…

Первым тогда проснулся Сергей, его разбудил Филипп, трогая лапой лоб. Голодный, вечно голодный. Вставать было лень, и Сергей сбросил кота на пол. Пошевелилась Вера, легла на живот, подогнув одну ногу к груди. Он наблюдал за ней. Интересно посмотреть на реакцию, когда она проснется, а проснется скоро, сон ее стал беспокойным. Сергей обнял Веру и стал ждать. В скором времени она открыла глаза, повернулась к Сергею и… поползла вверх по подушке, выскальзывая из его рук. Пора было «просыпаться», а то пропустит самое интересное. Он потянулся, открыл глаза, улыбнулся:

– Доброе утро.

Виду не подал, но гримаса ужаса на лице Веры страшно смешила.

– Ты спал со мной?!! – наконец выдавила она.

– Ага, спал.

– И ты так спокойно… Ты… Как это…

От негодования она задыхалась, глаза наполнились слезами, отчего стали цвета весенней зелени, и Вера бросилась… колотить Сергея.

– Как ты посмел! Негодяй! Мерзавец!

Накрывшись одеялом, он давился от смеха, но когда удары разъяренной девушки стали ощутимее, отбросил одеяло и схватил ее за руки.

– Эй, успокойся, я не дикарь. Я с тобой просто спал. Сном. Без секса.

– Другого места не нашел? – вырывалась она.

– Ну, извини. Это моя кровать.

– А я не о тебе. Меня мог уложить куда-нибудь…

– Что ты! Ты же вчера надралась… Не надо убивать меня глазами. Даже унитаз пугала! Подумал, мало ли что может случиться, сколько народу померло во сне, захлебнувшись…

– Прекрати! – Вера без сил упала на подушку.

– Плохо? – посочувствовал он. – Самое лучшее лекарство то, от чего заболел. Похмеляться бум?

– Отстань. Мне плохо потому, что я лежу здесь, а ты… Разлегся рядом в одних трусах!

Она с силой пнула его ногой, Сергей вскочил. Краем глаза Вера успела оценить фигуру, мышцы – одевался он не торопясь, демонстрируя себя.

– В следующий раз спать обещаю голым. Кофе хочешь? (Она не отвечала.) Значит, хочешь. Пошел варить. Вообще-то дело это женское, но, учитывая тяжелое и буйное похмелье, иду навстречу. Цени.

Оставшись одна, она пыталась припомнить вчерашний вечер, но сознание не хотело работать, все всплывало отдельными эпизодами. Не помнила даже, как умылась! Первый раз

в жизни набралась – тут же попала в постель к незнакомому мужику. Стыд и позор! Было что между ними? Она прислушивалась к себе, но изменений не чувствовала и чуточку успокоилась. Вдруг нечто живое прыгнуло на ноги. Жирный кот медленно шел по телу с угрожающим видом.

– Убери это чудовище, – сказала Вера вошедшему с чашкой Сергею.

Он схватил кота за холку и кинул к двери.

– Мой кот. На, держи, а я пошел в душ.

– Почему на мне нет нижнего белья?

– Я его снял и оставил в ванной, оно было мокрым, – просто ответил Сергей, выходя из комнаты.

Раздевал! Напялил дурацкий балахон. На голую! И ничего не было? Врет. Вера поискала доказательства на постели, ожидаемых улик не обнаружила, в смятении принялась отхлебывать горячий кофе. Вот так вляпалась. Стыдно даже перед собой. Но вчерашнего вечера не вернуть, а самоедством заниматься поздно. Ну, выпила лишку, ну, с унитазом обнималась, ну, ночь проспала рядом с неизвестным мужиком – всякое бывает. Но почему именно с ней?!

Наконец и она решила принять душ. На краю ванны лежало абсолютно мокрое белье, с него стекала вода на кафельный пол.

– Послушай, как я домой пойду? – ворвалась она в кухню. – Все мокрое, будто только что намочили! И рубашка!

Сергей, спокойно размазывая по куску хлеба масло, лишь пожимал плечами. Не рассказывать же, как по дороге в ванную, захватил сухую рубашку и тщательно намочил. Хотел и джинсы подвергнуть дождеванию, но решил, что это будет перебор. А Вера ждала ответа, грозно сдвинув брови.

– Повесь на батарею, через пару часов вещи высохнут, – посоветовал Сергей. – У нас хорошо топят.

– Ты с ума сошел! (С этим Сергей не мог поспорить.) Мне на работу! Сколько сейчас времени?

– Без пятнадцати девять.

– Ну, все. Мне конец. Шарик съест меня. И все из-за тебя.

Чуть не плача, Вера опустилась на стул. Сергею стало жаль ее, сейчас он поможет, тем самым закабалит чувством благодарности, она кинется ему на шею, последует поцелуй, а целуется он классно. Сергей позвонил приятелю:

– Артем, привет. Где собираешься праздновать?.. Не знаешь? Давай обсудим этот вопрос?.. Да хоть сегодня… Я вот по какому поводу. Мне нужна справка, что одному человеку было плохо, ну там, отравление или еще что, приезжала «скорая»… Не даете? Плохо. У этого человека будут большие неприятности из-за меня… Да?.. Спасибо. Я в долгу не останусь… Ко мне домой. – Сергей положил трубку на стол, хитро сощурился. – Вера, не переживай, ты предоставишь оправдательный документ своему Шарику.

– Ты, случайно, не всесильный нефтяной магнат? – съязвила она вместо ожидаемого броска на шею.

– Не имей сто рублей… – ответил он несколько разочарованно.

– Но ты из тех, кто предпочитает и то, и другое, – сделала она вывод.

– Каждому свое.

Вера фыркнула, вдруг схватила телефон, быстро набрала номер.

– Попроси Лиду, – протянула Сергею трубку. Он сообразил, что звонит она на работу, просьбу исполнил и отдал назад трубку. – Лида? Это я. Только не шуми. Мама звонила вчера?.. Что ты сказала?.. Лидочка, спасибо, ты меня спасла… Я? У знакомой… (Сергей хмыкнул.) Потом. Да, скажи, я приду на работу после обеда, мне нездоровится. Пока. Она сказала маме, что я сплю у нее.

– Видишь, как хорошо все складывается.

Не желая больше видеть расплывшуюся в улыбке физиономию, Вера ушла в ванную комнату, в душевой кабине (у него и ванна, и душевая) открутила краны, поток тонких струй полился ей на голову. Этот Сергей такой самоуверенный… Лишь бы голову не потерять. Он как все, хочет в постель ее затащить… Стоп. Уже затащил, и довольно успешно.

– Вот полотенце, – раздалось рядом.

Вскрикнув, Вера задвинула дверцы душевой кабины. Сергей, скрестив на груди руки, улыбался:

– Зря закрываешься, прятать такую фигуру – преступление. Да, кстати, дверцы-то прозрачные…

И ушел. У, негодяй… Раздался звонок. Вера решила, что приехал друг на «скорой», вышла из кабинки. Бодрый женский голос с требовательными интонациями долетел и до ванной, когда она соорудила на голове башню из полотенца:

– Серж, в чем дело? Я тебя вчера ждала, ждала… Слава богу, ты жив-здоров, я уже думала, не случилось ли чего? Почему не приехал?

«О, его зовут Сергей, я и забыла. Кошмар!» – подумала Вера.

– Все в порядке, – услышала Сергея.

Тишина. Эту тишину, в которой целуются, Вера почувствовала кожей. Быстро натянула махровый халат, в котором спала…

– Серж, я не понимаю, почему такой холод? Случилось что? – опять защебетал женский голос, но уже обеспокоенно.

– Да нет.

…натянула халат и стала яростно выкручивать белье! Вода барабанила по дну ванны с приличным шумом. Дверь распахнулась, на пороге появилась красивая, рослая, ярко накрашенная блондинка. Куда там Вере до нее. В дорогой шубе нараспашку и наброшенном на шею, достающем до щиколоток кашемировом платке, модных сапогах, со стильной прической. Суперзвезда. А свирепая… Вера попятилась, глупо вымолвив:

– Здрасьте.

Сидеть бы ей тихонечко, так нет же, нашкодила. С такой бабищей ей не справиться. Роскошная особа поставила одну руку себе на бедро, другой по-хозяйски оперлась о стену, надменно приподняла подбородок, громко процедив:

– Та-ак!

С головы до ног она смерила мокрую курицу в халате Сергея, презрительно фыркнула и вышла, со всей силы хлопнув дверью! Вере почудилось, сейчас потолок рухнет, она, зажмурившись, инстинктивно втянула голову в плечи. Кусочки штукатурки посыпались сверху на влажный пол, а в коридоре началось извержение:

– Это что? Я тебя спрашиваю, что находится в ванне?..

– Не что, а кто в ванной, – поправил Сергей, чем подлил масла в огонь.

– Ты еще смеешь… Ну, знаешь… Ты последняя сволочь, какую я знаю! Я его вчера жду, а он шлюшку малолетнюю притащил, ему мало развлечений! Я ему свечи, шампанское, а он тут несовершеннолетних трахает! Извращенец!

Вера, собрав штукатурку, присела на край ванны, возразив про себя: «Мне двадцать четыре года». За стеной извержение продолжалось:

– Я тебя прибью, подонок! И сучку твою в первую очередь!

– Нина, прекрати истерику, – вставил Сергей.

Раздался грохот, звяканье, что-то покатилось… Посуда.

– Я тебе покажу истерику, мудак недоделанный!

Дверь в ванную снова распахнулась, взбешенная фурия прокричала вскочившей Вере:

– Ах ты, тварь мелкая! Ты еще у меня узнаешь, гадючка, как прыгать к чужим мужикам в койку! Господи, на кого меня променял? Ты хоть при свете дня на нее смотрел? Ни кожи, ни рожи! Уродка! Я тебе сделаю…

Сергей вовремя выволок ее из ванной, закрыв ногой дверь.

– Пусти, скотина! Пусти, я сказала… Кстати, мужик он хреновый. Ты меня никогда не удовлетворял… Пусти, дрянь! Ты – дерьмо, понял? Я вам устрою!

Хлопнула входная дверь. Слышно было, как Сергей прошел на кухню, звякала посуда… Вера заглянула к нему. Завтрак был на полу, Сергей сидел на корточках, невозмутимо перебрасывал остатки тарелок, чашек и еды в мусорное ведро. В этой ситуации лишь кот чувствовал себя в своей тарелке: лениво слизывал масло и паштет с бутербродов.

– Кто она? – спросила Вера.

– Подруга. До вчерашнего дня. – Он огляделся вокруг, вздохнул: – А казалась интеллигентной женщиной.

– Так тебе и надо.

И отправилась развешивать мокрые вещи на батарею по совету Сергея, который очень расстроился, хоть и скрывал это. Еще бы! Вот срочно ей понадобилось выкручивать белье, потерпеть не могла, он сам выпроводил бы фурию. Может, Сергей любит ее. Что-то подсказывало: разлюбит, уже разлюбил. Вера вернулась на кухню. Он сидел за чистым столом и курил.

– Сережа, прости, я не хотела испортить ваши отношения.

– Они давно испорчены. Если хочешь есть, вон холодильник, вон плита, а мне пора одеваться.

Вера занялась завтраком. Вскоре на плите жарились отбивные, а в духовке грелись бутерброды. Еще через несколько минут она позвала Сергея. Когда он явился, она поняла, что голову теряет катастрофически быстро. Шикарный костюм, рубашка в тон, галстук, а красив… Попробовала себя представить со стороны: халат на голиафа, умытое глупое лицо, на голове полотенце, довершают картину тапочки сорок пятого размера вместо тридцать шестого. Вера пала духом: ей никогда не завоевать его. И Нину поняла, взбесишься тут. Ели молча. Сергей перестал подтрунивать над Верой, неужели потерял к ней интерес? Но вот он поблагодарил и двинул в прихожую.

– Уходишь? – ринулась она за ним. – А мне что делать?

– Вера, мне пора на работу. Ты сохни и жди Артема. Приеду часам к двум.

Он дотронулся ладонью до щеки Веры, от этого прикосновения оборвались последние оплоты морали и нравственности. Ему стоило сделать маленький шаг к сближению, и то, чего боялась Вера еще утром, случилось бы прямо в прихожей.

Артем приехал с готовой справкой, в которой значилось, что у такой-то были болезненные регулы, она вызывала «скорую», сделаны уколы.

Оставшись одна, Вера рассматривала себя в зеркало, но ничего хорошего там не нашла. К приезду Сергея она тщательно выгладила свою одежду, причесалась, провозившись перед зеркалом час. Эх, сумочка осталась в машине, в ней косметика, без косметики лицо совсем не то. К двум часам, как и обещал, приехал Сергей. Тут уж Веру совсем залихорадило, пообедать вместе с ним она отказалась, у нее же куча дел – работа, мама, вечер, отчет… Сергей вынужден был отвезти девушку домой.

– Мы не можем так просто расстаться, – сказал он, остановив машину. – Я запишу твой телефон? Если ты не против.

Против? Куда там! Она выложила домашний, сотовый, рабочий и адрес, после чего побежала к подъезду. Глядя ей вслед, он уверенно заключил: «Моя…»

Сейчас казалось, всего этого не было, или было, но не с ними. Сергей устало поднялся со скамьи и побрел по аллее, окрашенной в золотой колер холодным солнцем. Вера выглянула

из своего укрытия, он еще недалеко ушел. Нет, все было, было. И думалось тогда, что праздник останется навсегда.

– Ты где была? – поймала ее Лида в пролете между этажами, обе уселись на подоконник.

– Лида, я, кажется, пропала… – закатила глаза Вера.

Без утайки, взахлеб, рассказала подруге все-все. Лида слушала молча, в состоянии буддийского покоя, вывод сделала не тот:

– Итак, вчера ты с незнакомым мужиком надралась до поросячьего визга.

– Не совсем так… но…

– Проснулась утром, а рядом, обнимая тебя, лежал полуголый… Сергей, да? И он настолько преисполнен благородства, что между вами не было секса. Он что, импотент?

– Как он может быть импотентом, если ему устроила разнос мегера!

– Это ни о чем не говорит. Я поняла, он богат, а с богатством люди неохотно расстаются, особенно женщины. И потом, ты не знаешь, как сама вела бы себя на ее месте. Думаю, неприятно видеть в доме любимого мужчины постороннюю бабу. Да еще в ванной! Значит, не импотент? Тогда мазохист.

– Почему у тебя все так однозначно? – взорвалась Вера. – Почему не допускаешь, что он просто порядочный?

– Не допускаю, – перебила тираду из «почему» Лида, закуривая. – Чтобы мужик, здоровый, красивый и молодой, лежал рядом с такой же красивой и молодой девушкой, к тому же пьяненькой, и не склонил ее к сексу… это нонсенс. Либо хитрость, но очень уж тонкая. Почему не лег в другой комнате? А что ты вообще о нем знаешь? (Вера упорно смотрела в окно.) Понятно, ничего. А фамилию догадалась спросить? Чем занимается? (Вера опустила голову.) Прости, дорогая, но ты дура.

– Ты же его не видела!

– Мне хватило твоего рассказа. Это вы с Костиком (это Лидочкин муж, артист) живете в романтическом кретинизме, один со своим творчеством носится, другая в сентиментальный маразм впала! Костик разделил бы твои романтические бредни, но кто-то же должен жить в реалиях. Знай: хуже человека зверя нет. Если будешь об этом помнить, то неприятности обойдут тебя стороной. Он же мог сделать с тобой…

– И пусть, – нерешительно вставила Вера.

– Веруня, ты больна? С твоей тонкой, чувствительной натурой – пусть? Он мог оказаться бандитом, садистом, мерзавцем, и сейчас мы бы с тобой не сидели здесь, а бегали с Костиком по городу, разыскивая тебя вместе с полицией.

Лида не знала, как еще объяснить этой дурочке, что нельзя доверять первому встречному, да и Вера умом это понимала. Только надо убедить еще и свое сердце, которое с мощностью ураганного ветра отметало аргументы. Стоило вспомнить Сергея, как все ее существо восставало против Лиды, которая видит мир в серых красках, потому и ведет себя вызывающе, чтоб не трогали ее.

– Он хороший, правда, – неубедительно проговорила Вера.

– Детский сад! Цитирую: «Мужчина для женщины средство: целью бывает ребенок. Но что же женщина для мужчины? Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины как самой опасной игрушки». Фридрих Ницше. Вижу, не поняла. Поясняю: он игрок, играет с тобой и с собой. Это я и называю мазохизмом.

– Лида, я согласна с тобой, только поделать с собой ничего не могу. Я пропала. Я хочу его видеть, обнимать, целовать, хочу с ним… Ой, я, кажется, действительно сошла с ума. Не знаю, что мне делать.

– Для начала купи противозачаточные таблетки, – посоветовала Лида, как всегда предельно цинично, и загасила сигарету.

Прошло три дня, а Сергей даже не звонил. За три дня Вера прошла путь от клинического счастья до клинического уныния. Она замирала от каждого стука в дверь, будь то дома или на работе, вздрагивала от звонков, по совету Лиды начала принимать противозачаточные таблетки. А ОН не появлялся. По утрам она перебирала гардероб, мучила ее одна проблема: что надеть. Около зеркала проводила столько времени, что мама догадалась: в жизни дочери появился некто особенный. А ОН не появлялся. Лида наблюдала за подругой с несокрушимостью психотерапевта, однажды так прямо и заявила:

– На тебя без слез смотреть невозможно. Шурик в таком же состоянии, пожалей перед праздником парня, а то не доживет.

Шурик, безнадежно влюбленный в Веру, на год младше, пишет стихи, которые печатают в местных газетах, внимательный до назойливости, умненький, на лице его то там, то сям вскакивает прыщ. Прибавить ко всему сутулую, долговязую фигуру… Нет, ни в какое сравнение с Сергеем не шел. Но ОН не появлялся.

С новогоднего вечера сбежала. Вера жутко устала, радости и праздничного настроения вся эта суета не принесла, а ухаживания умников-интеллектуалов, включая прыщавого Шурика, нагнали тоску зеленую. Дома она дремала, как вдруг зазвонил телефон, Вера взяла трубку, полагая, что это подруга:

– Лидусь, не ругайся, я…

– Вера, ты меня уже забыла?

Сергей! Мир сузился до телефонной трубки, моментально бросило в жар… Но спокойствие, только спокойствие.

– Я был в отъезде, прилетел пять минут назад… (Она простила тяжелые дни ожидания.) С наступающим тебя.

– Тебя тоже… (Постепенно начала приходить в себя.)

– Ты мне не рада?

– Почему? Рада. Просто устала, сегодня у нас был вечер.

Постаралась сказать с холодком в голосе, пусть знает. Он ее промучил несколько дней, пусть теперь тоже помучается. Мог позвонить и из другого города.

– А у меня для тебя есть сюрприз. Вера, извини, меня ждет машина, больше не могу говорить. До завтра.

Надо было спросить: когда завтра? Не сообразила! Вера упала на софу, закрыла глаза. Комната наполнилась воспоминаниями с мечтами вперемежку, одна картинка сменялась другой, разные люди, знакомые и незнакомые, пролетали мимо с головокружительной быстротой, все они повторяли: завтра… Завтра – обволакивало, лаская невидимыми прикосновениями. Да, завтра что-то изменится…

Бессонное «завтра» превратилось в «сегодня». Вера накрутила волосы на бигуди, убрала квартиру до состояния больничной стерильности и приступила готовить праздничный ужин, отыскивая в рецептах блюда с интригующими названиями. К двум часам дня Вера была при полном параде, осталось только платье надеть. Продолжая хлопоты, она так устала к шести часам от ожидания и суеты, что свалилась с ног. Проснулась в начале десятого и… потеряла интерес не только к празднику, но и к жизни в целом. Сегодня ничего не будет.

– Ты кого-то ждала? – догадалась мама.

– Нет. Кого я могу ждать? О чем ты? – врала Вера.

Нет, так не годится. Она встретит Новый год самой красивой назло всем, правда, плохо представляла, кому назло, но так решила. Не пришел – не надо. С ним покончено раз и навсегда. Приняв такое решение, она надела великолепное белье, купленное за ползарплаты, но еще не побывавшее на ее теле, повертелась перед зеркалом и торжествующе заметила:

– От чего отказался, кретин!

Надела самое роскошное платье кремового цвета, туфли, подправила прическу, еще раз взглянула в зеркало и ахнула, придя в восторг:

– Какая я красивая!

– Красивая, красивая, – рассмеялась за спиной мама. – Идем к столу, красавица моя.

В дверь позвонили.

– Открыто, – крикнула мать, думая, что это соседка.

Вошел Сергей, в кожаном длинном пальто, с букетом роз, с улыбкой… С ума сойти! Он протянул матери букет, решительно начал:

– Здравствуйте, это вам. Меня зовут Сергей. Мне нравится ваша дочь, я пришел просить вас отпустить ее со мной.

– Да? Спаси… Вы прохо… Вера, молодой человек… вот. Ты как?

Мама ужасно мямлила, перекладывала из одной руки в другую розы, шурша целлофаном. Вера напоминала статую, вдобавок забыла, как произносятся слова.

– Она согласится, если вы разрешите, – заверил Сергей.

– Что ж, молодой человек… Вера, я тебя отпускаю.

– Мама, ты что? – Вера тут же осеклась, собственный голос ей показался хриплым и глухим. – Я не могу тебя оставить одну.

– Вера, это ты? – ахнул он. – Ты необыкновенно красива! Я тебя не узнал.

Сергей сказал правду, кроме того, что не узнал. В кружевном платье, она действительно была хороша. Ажурные рукава четко обрисовывали линии и изгибы рук, круглый вырез открывал часть груди, а кремовый цвет оттенял золотистую кожу. Платье вязала мама год тоненьким крючком, никому в голову не приходило, что выполнено оно кустарным способом.

– Если Сергей хочет, – продолжала Вера, не отреагировав на комплимент, – может остаться с нами. А я никуда не пойду.

– Вера, мы не можем остаться, – мягко, но настойчиво возразил Сергей. – У нас мало времени, прошу тебя, одевайся.

Вера собралась упрямиться, однако мама схватила шубу и сунула в руки дочери со словами:

– Не капризничай. Обо мне не беспокойся, наша соседка тоже осталась одна, я ее пригласила, мы по-стариковски… А ты иди с Сергеем.

Больше уговаривать не пришлось, Вера оделась со скоростью реактивного самолета. Мама счастливо улыбалась и совсем не обиделась, когда дочь на вопрос: «Когда вернешься?» – раздраженным шепотом ответила: «Ну, не знаю!» Что ж, Вера уже взрослая. Они очень красивая пара.

Сергей пропал из поля зрения, но Вера и не думала бежать к Илье, а присела на невысокий выступ стены. Вычеркнуть бы из памяти прошлое, которое не дает покоя и мучает, мучает… Память – это, пожалуй, самое ненужное место в голове. Она постоянно с тобой, хочешь не хочешь, а раз – и напомнит об обидах, боли или счастливых днях, о них тоже хочется забыть. Нет страшнее прекрасных воспоминаний, когда ничего нельзя вернуть и понимаешь, что такого больше никогда не будет. Илья ждет – это ее настоящее.

Сергей стоял на остановке. Вера прошла мимо, стараясь не смотреть ему в спину, вдруг, неизвестно каким чутьем, он почувствует ее и тогда встречи не избежать. Он не почувствовал. Вера почти бежала, бежала не только от Сергея, но и от памяти…

– Дамы и господа! Остался час до Нового года. Пусть наступающий год станет для нас годом исполнения желаний. С наступающим годом вас, друзья!

В центре зала шла программа из разнообразных номеров, а публика за столиками снисходительно одаривала артистов аплодисментами, попивала шампанское и крепкие напитки. Около двенадцати дружно встретили Деда Мороза, его короткая речь завершилась боем часов. Звон бокалов и поздравления наполнили зал. Сергей наклонился к Вере, прикоснулся губами к ее губам – это был их первый поцелуй. Снова зазвучала музыка, середину зала заполнили пары, среди них и Вера с Сергеем. Их лица находились близко-близко, ей очень хотелось, чтоб он поцеловал еще, но Сергей этого почему-то не делал. То ей казалось, он без ума от нее, то наоборот.

– Минутку внимания! – взял слово ведущий. – Предлагаю выбрать королеву или короля бала, кому повезет. Вот конверт. Каждый, кому он попадет, должен вскрыть его и достать следующий. Вы должны отдать запечатанный конверт тому, кто отвечает чертам адресата. Например: самому высокому или самой грустной. В последнем конверте лежит открытка с надписью: «Король-королева». Итак, положимся на волю случая, я вручаю конверт – самой веселой.

Конверт попал одной из спутниц пожилого джентльмена. Хорошо выпившие люди уже не изображали аристократов, а с азартом включились в игру. Один щедрый человек предложил купить королевский титул для своей подруги, но ведущий был неумолим. Последний конверт оказался… у Веры. Этот конверт попал Деду Морозу, а тот отдал его Вере.

– Верка, ты? – ахнул он, ведя ее за руку к стулу в центре зала.

– Костик! Я тебя не узнала.

– Где уж узнать! Ты глаз не сводишь с хозяина клуба.

– Какого хозяина? Какого клуба? – не поняла Вера.

– Какого-какого! Ты сидишь с хозяином этой дорогой забегаловки. Значит, он для тебя так старался? Ну, скажу, у него губа не дура.

– Ничего не понимаю.

– Все, Вер, некогда, потом…

Аттракционы с участием королевы были супер, Вера с энтузиазмом помогала двум артистам заработать на кусок хлеба, вручала остроумные призы победителям, пока ведущий не сжалился над хозяином:

– Наша королева устала, отпустим же ее к скучающему спутнику. И в память о сегодняшнем вечере мы преподносим королеве подарок от клуба!

Это была коробка, а в ней потрясающе белая, не то из меха, не то из пуха, шапка. По сравнению с остальными призами – погремушками, презервативами, шариками и прочим это был царский подарок.

– Ты подстроил? – спросила разгневанная Вера, вернувшись на место.

– Я хотел как лучше, – оправдывался Сергей и казался очень искренним, даже огорченным. – На улице холодно, а ты без головного убора.

– Прошу тебя не делать мне подарков, особенно дорогих.

– Почему?

– Потому. Не хочу, и все. Понятно?

– Понятно, – улыбнулся он. – Вера, поедем ко мне?

Губы касались губ… прикрытые глаза… смешанное дыхание… руки… руки на теле. Руки мягкие, ласковые. Поцелуи… Немного страшно и хорошо… Только бы не догадался… Боль! Вера вскрикнула.

– Что! Что, Вера? Что-то не так?

– Все хорошо… Замечательно… – шептала она. – Сережа… Мне очень хорошо…

Хорошего было мало. Но Вера скрывала, что в вопросах секса опыт имела лишь перед экраном телевизора. Утром Сергей заглянул в ванную, слишком долго там находилась она:

– Тебе не плохо?

Вера мотнула отрицательно головой. Сергея насторожила ее напряженная фигура, она явно что-то прятала. Он обнял ее, поцеловал в висок, украдкой заглянул за спину – в руках находилась мокрая простыня.

– Почему ты мне не сказала? Я был бы поаккуратнее.

– Не хотела разочаровывать тебя.

– Прости, я должен был догадаться. – Она уткнулась лицом в его грудь. – Глупенькая, секс – это для двоих, а не для кого-то одного. Вера…

Мерно раскачиваясь, трамвай убаюкивал. От яркого солнца, жарившего в окно, слепли глаза, болела голова. Вокруг было множество людей – интересно, с ними тоже случаются подобные катаклизмы? Колеса трамвая отстукивали: Наташка… Лора… Олег… Вера… Вера жива, судя по всему, здорова, так же красива и не хочет его видеть. Сбежала, если то была она, а не похожая на нее женщина. А Лида? Как она могла? Зачем? Дрянь!..

Это была его самая длительная связь, но так по-идиотски все кончилось, так глупо. Сейчас Сергей совсем запутался: что главнее? Убитые девчонки? Олег с выстрелом в груди из его ружья? Или Вера?.. И почему Лида?..

Впервые он показал Веру родителям и знакомым, закатив в «Россо» банкет на свое тридцатилетие. Они уже встречались полгода. За это время она превратилась из полудевчонки в настоящую женщину, которую прохожие провожали восторженными взглядами. Вера находилась в том состоянии, которое люди называют счастьем, что делало ее неповторимой. Можно прикинуться равнодушным, подавляя гнев, можно прикинуться добрым, скрывая злость, но прикинуться счастливым – никогда.

– Сереженька, это твоя новая девушка? – спросила мама, и глаза ее сузились, как у пантеры перед прыжком.

– Насколько помню, старых девушек я тебе не показывал.

– Миленькая, – не слушала она. – Внешность на четверочку, но ничего, миленькая. Только знаешь, дорогой, порядочная девушка не ложится…

– Мама! Внешность у нее на пятерочку с плюсом. И позволь мне самому судить о порядочности моих девушек.

– Ой, это кто? Зося! Господи, какая она стала хорошенькая!

Мама – хитрющая бестия. Можно подумать, не она пригласила Зосю и проинструктировала появиться в разгар праздника, дабы обратить на себя внимание. Короче, актриса из маман никудышная, а интриганка – люкс. Лишь бы не заставила расшаркиваться. Заставила. И так лихо слиняла, сунув ему в руки Зосю, что Сергей вынужден был длиннющий танец отвечать на глупые вопросы и вертеть головой, разыскивая в толпе Веру, которая танцевала с Ильей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.